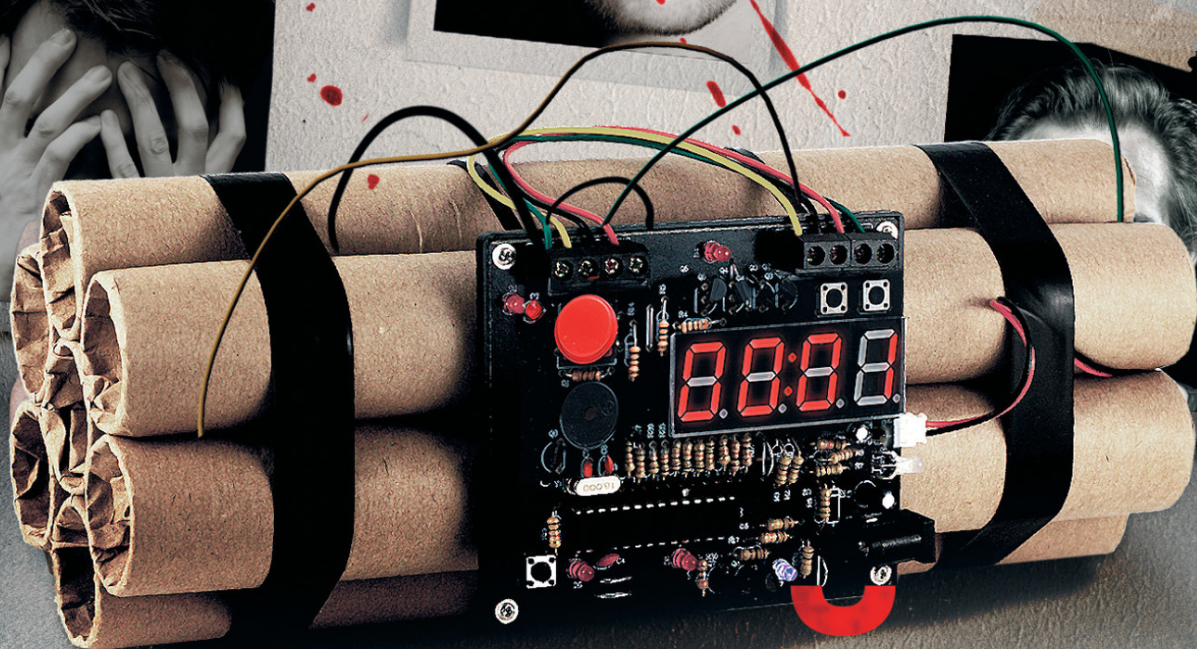

ДЖЕЙМС КЭРОЛ

ТИХИИ ЧЕЛОВЕК

18+

Ты услышишь его только перед смертью

Джефферсон Уинтер

Джеймс Кэрол
Тихий человек

«АСТ»

2017

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кэрол Д.

Тихий человек / Д. Кэрол — «АСТ», 2017 — (Джефферсон Уинтер)

ISBN 978-5-17-107542-2

В Ванкувере жена миллионера погибает от взрыва в собственном доме. Все обвиняют мужа, но Джефферсон Уинтер не так в этом уверен. Способ убийства слишком идеален, ход мыслей убийцы невозможно предугадать, он не оставляет следов. Тщательно спланированные убийства происходят каждый год в один и тот же день: все женщины погибают при аналогичных обстоятельствах. Роковая дата неумолимо приближается, и Уинтер знает, что новая жертва уже определена. Сможет ли он поймать тихого человека до того, как тот нападет снова?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-107542-2

© Кэрол Д., 2017
© АСТ, 2017

Джеймс Кэрл

Тихий человек

«THE QUIET MAN»

by James Carol

Печатается с разрешения литературных агентств Darley Anderson Literary, TV & Film Agency и The Van Lear Agency LLC

Copyright © James Carol, 2017

© Хатуева С., перевод, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Джеймс Кэрл родился в Шотландии в 1969 году. В восьмидесятых годах он переехал в Хортфордшир, Великобритания, где и по сей день живет с женой и двумя детьми. За свою карьеру он был гитаристом, звукорежиссером, репетитором по гитаре, журналистом, инструктором по верховой езде.

«Я фанат серии о Джефферане Уинтере. «Тихий человек» – еще один блестящий триллер, который захватывает с самых первых страниц».

Из отзыва на сайте Amazon.com

«Это не только высококлассный триллер, но и опасная схватка между изощренной личностью и методичным интеллектом».

«Книга увлекла меня с первых строк, и я не мог ее отложить. Это захватывающее чтение, полное напряжения и неизвестности».

Из отзывов на сайте Goodreads.com

*Посвящается Финн.
Чем лучше я узнаю тебя,
тем больше восхищаюсь.
Люблю тебя и всегда буду любить.*

1

Обратный отсчет начался 364 дня назад. Это сейчас время стремительно утекает сквозь пальцы, а год назад его было более чем достаточно. Есть у времени такое свойство – оно текучее, и его не остановить. Через девять с половиной часов четвертое августа превратится в пятое, и настанет день икс. Джефферсон Уинтер всем своим нутром ощущал, как, подобно песку в песочных часах, утекают секунды, а закрывая глаза, видел яркую вспышку взрыва.

Выйдя в зону прилета, он пробежал глазами по ожидающей публике. Женщина, державшая в руках табличку с его именем, имела какое-то отношение к полиции. Ее выдавал взгляд – беспокойный, везде ищущий опасность и фиксирующий все, что происходит вокруг. Хотя в полиции она не работала. Больше не работала. Уинтер знал это наверняка. Она опознала его в ту же самую секунду, когда и он выделил ее из остальной массы. Его узнать было несложно, несмотря на средний рост, среднее телосложение и совершенно неприметное лицо. Волосы – вот что выделяло его в любой толпе. В его тридцать пять лет они уже были белы как снег. Поседел он в двадцать. В период службы в ФБР приходилось их красить, но после увольнения необходимость в этом отпала. Как и во многих других вещах.

– Вы, должно быть, Лора Андертон, – сказал он, подойдя к ней.

– А вы, должно быть, Джефферсон Уинтер. Добро пожаловать в Ванкувер, – поприветствовала его она, протянув руку.

Пожатие было твердым и уверенным, как у человека, который точно знает, где он находится и что происходит вокруг. Пятьдесят три года, большие карие глаза и темные волосы до плеч. Одета в джинсы, белую блузку без принта, ботильоны на небольшом каблучке. Привлекательная. Совершенно очевидно, что в молодости она была невероятно красива.

– Где, кто и почему? – спросил он.

– Я так понимаю, этот набор слов что-то означает? – недоуменно парировала Андертон.

– Означает. Нам нужно найти ответ на любой из этих вопросов, и тогда мы можем спасти жизнь следующей жертве. Если узнаем, где произойдет следующее убийство, устроим засаду. Если узнаем имя предполагаемой жертвы, сможем ее защитить. Понять, почему он убивает, – сложнее, но, если мы найдем ответ, он выведет нас к убийце или следующей жертве. Ответ на любой из этих вопросов будет означать победу.

– Если так посмотреть, то дело в шляпе, – заметила Андертон.

– Я и не говорил, что будет легко. Но это то, что нам предстоит сделать, – понять, где, кто, почему. Уверяю вас – в этом и заключается вся сложность дела.

– Хорошо, тогда вот вам еще один вопрос: как? Как мы найдем ответы на эти вопросы?

– Я еще не придумал, – пожал плечами Уинтер.

– Что ж, думайте быстрее.

Андертон направилась к выходу из аэропорта, и Уинтер покатил за ней свой чемодан. Люди расступались перед ней, словно завидя библейского пророка. При этом она не произносила ни слова – в этом не было никакой нужды. Все просто уходило с ее пути, хотя при росте метр семьдесят и отсутствии лишнего веса, она не могла похвастаться внушительным телосложением. Оружие она тоже не доставала – днем, в оживленном аэропорту это неминуемо привлекло бы ненужное внимание.

На улице светило солнце, было около 24 градусов по Цельсию. Лучшей погоды и пожелать было невозможно. Уинтер проверил мобильный. СМС, которого он ждал, не было. Он убрал телефон, достал солнцезащитные очки и зажег сигарету. Последнюю он выкурил еще в Детройте. Даже не считая четырехчасовой задержки рейса, перерыв получался слишком большим.

Последние несколько дней выдались очень загруженными. Изначально он хотел прилететь сюда еще накануне, но дела в Детройте затягивались. Арест прошел неудачно – убийца погиб. Нажимал на курок не Уинтер, но он видел все от начала до конца, и чтобы получить возможность улететь, ему пришлось пройти через целый ряд полицейских формальностей. А затем случилась задержка рейса, при том что времени на предстоящее расследование и так было в обрез.

Андертон продолжала идти, и Уинтер не отставал ни на шаг. Судя по переписке, от нее можно было ожидать сугубо профессиональной позиции и, возможно, некоторой дистанции. Пока же ее поведение полностью соответствовало его ожиданиям. Совсем рядом взлетел «Боинг-777» авиакомпании Air Canada. Двести пятьдесят тон взмыли в небо на скорости 280 километров в час. В воздухе пахло горючим. Судя по указателям, зона парковки закончилась. Уинтер не стал спрашивать, куда они направляются. Андертон уверенно шла вперед, и было очевидно, что все так, как надо.

Впервые она написала ему в прошлом году, когда еще работала в полиции и возглавляла следствие. В тот период Уинтер был занят в Европе и не мог приехать. Он попросил держать его в курсе дел, и Андертон почти ежемесячно присылала ему письмо с описанием динамики событий. Хронология этих убийств была довольно необычной, и новостей было мало. Но это было неважно. К третьему письму он понял, что она старается сделать так, чтобы он не забыл об этом деле.

Вероятность забыть была крайне мала, потому что Уинтер заинтересовался. Случай был как раз из тех, в расследовании которых он черпал смысл жизни. Как правило, новости об очередной жертве серийного убийцы падают как снег на голову – кто-то звонит и сообщает, что нашли еще одно тело. В данном случае все было иначе. Между убийствами проходил ровно год, что само по себе уже довольно необычно. Но поистине уникальным эту серию убийств делало поведение преступника. В большинстве своем серийные убийцы любят присутствовать в момент смерти жертвы – в этой минуте и заключается весь смысл. Им нужно видеть, как гаснут глаза жертвы. Тогда их эго взлетает до небес, и они ощущают себя выше Бога.

Этот убийца никогда не присутствовал в момент смерти жертвы. Более того, он из кожи вон лез, чтобы все случилось не при нем. Он пробирался в дом, нейтрализовывал жертву и привязывал к кухонному стулу изолентой. Затем крепил на ее груди самодельную бомбу, которая должна была взорваться при открывании кухонной двери. Все подготовив, он уходил. Все три жертвы были женщины, и все умерли, когда их мужья приходили с работы и заходили на кухню. Таким образом, он использовал мужей как орудие убийства. Уинтер сталкивался с убийцами, которые использовали других людей, но настолько отлаженной схемы не было никогда.

– Видимо, я должна спросить, хорошо ли вы долетели, – заговорила Андертон. – Но учитывая четырехчасовую задержку, думаю, смысла задавать вопрос нет.

– Была техническая проблема с бортом – из тех, которые нужно решать безотлагательно.

– Надеюсь, они ее решили.

– Не поверите, но большинство самолетов летают с техническими проблемами. Если требовать полной исправности, ни один самолет не сможет подняться в небо, а для бизнеса это неприбыльно. Они не падают с неба только потому, что все системы спроектированы с запасом.

– И вы об этом так спокойно говорите?

– Да. Авиакатастроф у меня еще не случилось. А летаю я много.

– Да, но я бы предпочла лететь, зная, что все везде исправно.

– Это невозможно.

– Вероятно, но это не мешает мне убеждать себя в обратном. Один из редчайших случаев, когда незнание – сила.

Вскоре они пришли на огороженную спецпарковку. Повсюду висели знаки, обещающие очень плохие последствия тем, кто посмеет запарковать здесь машину, не имея на то права. Внедорожник Андертон – пятилетний «мерседес» – стоял рядом с патрульной машиной полиции Ванкувера. Ее автомобиль весь блестел – от крыши до чисто вымытых колес. Было очевидно, что Андертон любит свою машину. Внушающая уважение табличка на передней панели удостоверяла, что владелец представляет полицию Ванкувера. Уинтер задумался, а что еще она оставила себе, уходя с должности?

Андертон открыла багажник и забросила туда его чемодан. Он путешествовал с выдавшим виды самсонайтом, который сопровождал его всегда и везде и в котором была вся его жизнь. После ухода из ФБР у Уинтера не было постоянного места жительства. Домом становились номера люкс, которые предоставляли ему заказчики. Андертон захлопнула дверь багажника и села за руль. Уинтер сел рядом и пристегнулся. Снова проверил телефон. Сообщения так и не было.

– Ладно, – сказал он. – Давайте сначала побеседуем с Николасом Собеком. Раз уж он наш клиент, нужно обменяться с ним парой слов. Плюс он еще и свидетель первого убийства. Убьем двух зайцев одним выстрелом.

– Должна предупредить, он немного странный.

– Что значит странный?

Андертон хотела что-то сказать, но передумала.

– Наверное, лучше вам будет составить собственное мнение.

2

Николас Собеком продолжал жить в доме, где была убита его жена, и одно это давало повод усомниться в его нормальности. Уинтер знал, что обычно так не бывает. Если твой любимый человек жестоко убит в том месте, которое ты называешь домом, первым делом ты берешь трубку и звонишь риелтору. Ты там и дня не захочешь провести. Ни одной лишней минуты. Но Собеком провел там одну тысячу и девяносто пять дней, что составляет более полутора миллионов минут.

Вторая странность: Собеком лишь дважды выходил из дома за последние три года – оба раза, чтобы съездить на могилу жены. В годовщину ее смерти он ездил на кладбище Маунтин-Вью, приезжая туда на рассвете и уезжая на закате.

Его дом располагался на улице Болсам-Плэйс – тихой, просторной и непроезжей – в районе Керрисдейл к юго-западу от центра Ванкувера. Район был благополучный, сияющий чистотой, с широкими улицами и множеством зелени. Дома здесь были попроще, чем у голливудских звезд, но ненамного. У каждого была обширная прилегающая территория. Гаражи – на две машины, а за травой следили не сами хозяева, а ландшафтные компании.

Андертон подъехала прямо к массивным въездным воротам и стала ждать, пока они откроются. Ворота были выполнены из цельного куска стали и выглядели достаточно новыми, как и окружающая территорию по периметру трехметровая стена с шипами из стекла и металла.

За стеной была высажена аллея высоких пихт. Самого дома почти не было видно – лишь местами виднелась крыша. Общее впечатление было такое, что это не дом, а крепость.

Миновав ворота, Андертон подъехала к дому и остановилась прямо перед воротами гаража. Она проделывала все эти манипуляции настолько привычно, словно в сотый раз и гараж был ее собственным. Необычным было и то, как перед ней открылись ворота. Обычно человек, сидящий у монитора камеры видеонаблюдения, обменивается парой реплик с водителем подъехавшей машины, чтобы идентифицировать гостя – друг это или враг. Но у нее никто ничего не спросил. Уинтер поднял голову, чтобы посмотреть на дом, а затем уставился на Андертон.

– Что? – спросила она.

– Просто пытаюсь понять, что происходит. Три года назад вы были уверены, что Собек – убийца. Спустя год вы все еще пытались подгонять факты под этот сценарий. А сегодня, как вижу, вы уже лучшие друзья.

– Это преувеличение.

– Думаю, вы меня поняли.

Андертон тоже смотрела на дом. Он и правда производил впечатление. Уинтер прикинул, что в нем не менее пяти спален и столько же санузлов. Однозначно был кабинет и, возможно, спортзал, а может, и домашний кинотеатр. Архитектор замахнулся на стиль ар-деко с яркими белыми стенами и элегантными изгибами. Такой дом никак не мог быть построен в тридцатые или двадцатые. Или сороковые. Гораздо более вероятно, что это были девяностые. Такой дом купил бы человек, который хочет сказать миру, что его жизнь удалась.

– Николас Собек хочет привлечь убийцу к суду ничуть не меньше, чем я, – сказала она.

Уинтер молчал, ожидая продолжения реплики. Ему были известны некоторые факты из жизни Андертон, но многое оставалось неясным. Он знал, что с момента выхода на пенсию она работает частным детективом. И что у нее только один клиент. Также он знал, что у большинства отошедших от дел полицейских есть незавершенное дело, которое преследует их до самой смерти.

– Не люблю оставлять дела незаконченными, – наконец сказала она. – То, что этот убийца до сих пор на свободе, не дает мне спокойно жить. Но еще хуже то, что через 24 часа он убьет кого-то еще. Я готова сделать все, чтобы его остановить. Все. Работать на Собека означает для меня возможность остаться в игре. И продолжать искать убийцу, – она кивнула в сторону дома. – У Собека есть средства и мотивация. А у меня есть навыки, которые ему нужны, чтобы достичь цели. Как я и сказала, цель у нас одна.

– То есть вы его используете.

– Ровно в той же мере, в какой он использует меня.

Уинтер подождал, давая ей возможность сказать все, что она сочтет нужным.

– Есть ли еще что-то, что мне стоит знать? – в конце концов спросил он.

Она ответила с улыбкой, которую можно было интерпретировать как угодно. Возможно, она что-то скрывает. Возможно, планирует его подставить. В любом случае это ничего не изменит. Они вышли из машины и направились по дорожке к главному входу. Трава была свежестрижена, на клумбах росли яркие цветы. Пока они говорили, Уинтер снова проверил мобильный. Сообщения не было. Он заметил вопросительный взгляд Андертон.

– Когда очень ждешь СМС, оно никогда не приходит, – сказал он.

– Как скажете.

На двери у крыльца висело два сканера. Андертон прижала глаз к верхнему и большой палец к нижнему. Через десять секунд дверь щелкнула, и металлический голос сказал: «Я в спортзале». Уинтер не сразу нашел динамик – он спрятался под крышей крыльца. Судя по голосу Собека, в спортзале он выкладывался по полной программе. Уинтер терпеть не мог

спортзалы. У него даже была теория, что человек находится в той форме, которая необходима для его образа жизни.

Холл был высотой в два этажа с открытыми перекрытиями и изысканной люстрой, которая сверкала и отбрасывала свет на стены. Сосновый пол, широкая лестница. На стенах – картины современных художников в матовых металлических рамах. Андертон повела его через коридор за лестницу. Там была неприметная дверь в подвальное помещение и еще два сканера. Андертон повторила тот же ритуал, что и при входе: глаз к верхнему сканеру, большой палец – к нижнему. Тихий щелчок – и дверь открылась.

– А откуда Собек знает, что я вас не под дулом пистолета сюда привел? Может, я совсем не тот человек, за кого себя выдаю?

Андертон лишь бросила на него выразительный взгляд.

– Я шучу лишь отчасти, – добавил он. – Я так понимаю, что меры безопасности не ограничиваются воротами и стенами. Я прав?

– Войдя в дом, вы прошли через металлодетектор, а значит, пистолет у вас пластмассовый и в нем нет пуль. Поэтому нас пропустили. Также на крыльце вас сфотографировали и прогнали через программу распознавания лиц. Поэтому дверь открылась не сразу. Изображение, с которым вас сравнивали, предоставила я. Нашла в интернете ваше старое фото еще со времен ФБР. Вы там такой молодой и, можно сказать, цветущий. Что же с вами случилось?

Уинтер улыбнулся.

– Насколько я понимаю, три года назад всех этих мер безопасности в доме не было?

– Все верно. У них была сигнализация на случай взлома, но они постоянно забывали ее включать. Стены и ворот не было. Тогда Собек хотел, чтобы все, кто проезжает по улице, видели его дом. Для него был очень важен имидж. Загляните в гараж и все поймете. Там стоят и пылятся «Астон Мартин Винтаж» и «мерседес» S-класса. У него также есть самолет «Сессна-206», в котором он не летал со дня убийства. В Баундари-Бэй – это 35 километров от города – есть аэродром, где он стоит, проходит необходимое техобслуживание, но никуда больше не летает.

– Устанавливать сейчас такую систему безопасности – все равно что запираешь конюшню после того, как лошадь сбежала.

– Возможно, но за последние три года дом ни разу не взламывался. Так что можно заключить, что свою задачу она выполняет.

Они стали гуськом спускаться в подвал, Уинтер шел вслед за Андертон. Лестница была не шире дверного проема, и при низком потолке создавалось ощущение замкнутого пространства. Воображение подсказывало, что именно такими были входы в бомбоубежища времен холодной войны и подземные карцеры. Внизу коридоры вели вправо и влево. Андертон повернула налево. Они прошли мимо двух закрытых стальных дверей.

– Тут Собек и живет с момента убийства. У него здесь спальня, кухня и офис. И стрелковый полигон.

– Шутите?

Андертон покачала головой.

– Я серьезно. Предыдущий владелец был фанатом боулинга и оборудовал здесь дорожку. Когда Собек купил дом, он разобрал боулинг и превратил его в полосу для стрельб.

– Он хорошо стреляет?

– Лучше меня. Видела у него шесть попаданий в мишень из шести.

– А что с остальным домом?

– Все точно так же, как было при жене. Собек ничего не трогал. Дом превратился в храм, – Андертон пристально посмотрела на Уинтера. – Я предупреждала, что он странный.

Коридор упирался в стальную дверь, полностью идентичную тем, мимо которых они шли. Андертон вошла без стука. Спортзал был оснащен по последнему слову, и оборудование –

беговая дорожка, велотренажер, кросс-тренажер и силовая установка – было грамотно расположено относительно друг друга. С потолка свисала боксерская груша, а на большом стенде на стене висело оружие для боевых искусств.

Собек выполнял жим лежа со скамьи. Масса, которую он поднимал, равнялась весу Андертона. Или полторы Андертона. В верхней точке он каждый раз громко и продолжительно стонал. В эти моменты мышцы на его руках практически лопались от напряжения, а шейные сухожилия натягивались как струны. На вид ему было около тридцати пяти. У него был пронизывающий взгляд и густая борода.

Сделав еще два жима, Собек сел и поправил хвост взлохмаченных и блестящих от пота волос. Затем снял футболку, взял полотенце и начал вытираться, демонстрируя рельефные мышцы на руках и груди и все теоретически возможные кубики пресса. Но он не был перекачан. Зависимость от физических нагрузок была налицо, но до посмешища на стероидах ему было очень далеко. На шее висела цепочка с маленьким ключиком. Руки были обмотаны белой боксерской лентой, посеребшей в районе костяшек, которыми он колотил по груше. Футболка, в которую он переделся, была точно такая же, как и та, которую он снял, – черная, без принтов. Бросив полотенце на спинку стула, он подошел к Уинтеру и некоторое время молча сверлил его взглядом.

– Ну что, вы думаете, это я убил свою жену?

3

Собек стоял и ждал ответа на свой вопрос. Если это была попытка запугать, то неудачная. Уинтер уже играл в эту игру не раз, причем на месте Собека бывали люди гораздо опаснее его. За годы работы в ФБР Уинтер десятки раз допрашивал серийных убийц и встречался лицом к лицу с наихудшими представителями рода человеческого. Чтобы переносить такого рода встречи, нужно было нарастить толстую кожу. Несмотря на все это, недооценивать Собека было рано. Хищников Уинтер узнавал сразу. Собек еще несколько секунд держал взгляд, а затем моргнул. Уинтер посчитал это удобным моментом для ответа.

– Полиция не считает вас убийцей, – произнес он. – В момент убийства Алисии Кирчнер вы были на могиле жены. И точно там же вы были, когда убили Лиану Хэмонд. В обоих случаях вас видели свидетели. По их словам, вы провели там целый день. Если вы их не подкупали, это достаточное алиби.

– У меня есть алиби на время убийства Алисии и Лианы, но на Изабеллу у меня ничего нет. В ходу много версий, как я мог убить ее. Даже сайт есть с названием «собекубилсвоюжену».

– Я видел этот сайт. Знаете, какая у меня любимая версия? Вы убили жену, а в следующем году наняли убийцу для Алисии. А почерк у убийств одинаковый, потому что вы снабдили киллера всей необходимой информацией.

– А в следующем году я, значит, снова заплатил ему, чтобы он убрал Лиану.

– А в этом году вы снова ему заплатите, чтобы он еще кого-нибудь убил.

– Вы понимаете, что это бред?

– Я слышал версии и побредовее.

– Я любил жену. Не проходит и дня, чтобы я не думал о ней. Она со мной ежечасно, ежеминутно.

– И поэтому вы постоянно ей изменяли? В отчете полиции вы предстае хроническим бабником. Я, правда, предпочитаю термин «распутник». Это как-то больше соответствует вашей сути, как вы сами считаете?

– У нас были проблемы в браке, но мы их решали.

– До или после того, как Изабелла изменила вам? Вас факт ее неверности, наверное, вывел из себя. Вам позволялось гулять направо и налево, но ей подобное было непростительно.

Собек ответил не сразу. Он глубоко вздохнул и, судя по всему, медленно про себя считал до десяти.

– Вы так и не ответили на мой вопрос. Вы думаете, это я убил жену?

Уинтер смахнул воображаемую пыль с силовой установки и сел. Это был самый чистый спортзал из всех, что он видел. Из сидячего положения ему приходилось задираť голову и смотреть на Собека снизу вверх, но это его не беспокоило. Он мог позволить себе не думать об этом, и это уже являлось признаком силы.

– Полиция потратила много времени, сил и средств на проверку вашей подноготной. Картина вырисовывается такая, что вы были заиклены на деньгах и вам было абсолютно все равно, через кого переступать на своем пути. Но давайте будем честны сами с собой: невозможно заработать состояние на акциях, играя честно. Вы обманывали своих клиентов, жену, вы обманывали всех, кто подворачивался под руку. Важно было одно – заработать бабки. Будь Гордон Гекко реальным человеком, он бы первым пожал вам руку и пригласил вступить в члены клуба.

– Но человек может измениться.

– Мой жизненный опыт говорит о том, что эти изменения бывают крайне незначительны.

– А я говорю, что может. Когда Изабелла умерла, мне пришлось сделать много неприятных открытий о себе. Но я честно признал эти пороки и искренне верю, что сейчас, пройдя через все это, я стал лучше.

– Приятно слышать, но меня не интересует ваше прошлое. Мне важно одно – чтобы со мной вы играли честно. Можете?

– Конечно. Ну так что, вы считаете, что это я убил жену? – не унимался Собек.

– Нет, не считаю.

Собек еле заметно кивнул.

– Спасибо за честность.

– Хорошо, моя очередь спрашивать. Что за ключ у вас на шее?

4

Собек привел их назад, в холл, и повел через коридор по другую сторону лестницы. Дверь в конце коридора была заперта на тяжелый навесной замок. После всех высокотехнологичных охранных средств он смотрелся довольно неуместно и казался, скорее, символическим предметом с весьма условной охранной функцией. Такие отжимаются монтировкой за две секунды. Человек, немного знакомый с отмычкой, справился бы за пять секунд. Собек снял с шеи ключ и открыл замок. Толкнув дверь, он отошел в сторону.

Уинтер и Андертон вошли в кухню. Собек так и остался за дверью и не отрываясь смотрел на них из проема. Окна были зашторены, и в сумраке комнаты мебель отбрасывала мрачные тени. Уинтер включил свет. Все выглядело так, будто минуту назад здесь еще работала полиция. Куда ни брось взгляд – всюду присутствовали следы взрыва: валялись опрокинутые стулья, стены, мебель и плитка были в черных пятнах. Закрыв глаза, легко было ощутить запах взрыва – такой же, что и запах петард в День независимости, только с привкусом обгоревшего мяса. Мебель была покрыта тонким слоем пыли и дактилоскопического порошка. Место, куда упала Изабелла, было очерчено мелом, следы которого за годы сильно побледнели.

Стол был рассчитан на шестерых, но стульев было пять. Не хватало того, на котором сидела Изабелла. Четыре стула валялись вокруг стола. Два лежали на боку, а другие два были отброшены от стола, словно сидевшие на них люди вдруг резко встали и ушли. Пятый стул находился в эпицентре взрыва. Уинтер подошел и положил руки на его спинку. Некоторое время он стоял и оглядывал кухню. Он видел, как из проема за ним наблюдает Собек. Андертон тоже смотрела на него. Он взглянул ей в глаза.

– Каково это – сидеть привязанной к стулу с бомбой на груди?

Андертон ответила не сразу. Если она хотя бы наполовину соответствует его представлению о ней как о следователе, она должна была представлять себя на этом стуле много раз. Ведь просто понять мотивацию преступника недостаточно. Нужно еще понять и проникнуться чувствами жертвы.

– Это ужасно, – наконец проговорила она. – Это совершенно и бесконечно ужасно.

– И вот еще что – Изабелла стала первой жертвой. Ей было тридцать, она была здорова и хороша собой, впереди вся жизнь. Она даже не поняла, скорее всего, что происходит: какой-то человек ворвался в дом, привязал ее к стулу и ушел.

Андертон не сводила глаз со стула, пытаясь представить себе, что испытывала Изабелла, сидя на нем.

– Когда она услышала, что Собек пришел домой, она, скорее всего, попыталась его предупредить, но это ей не удалось, потому что рот был заклеен изолентой, – продолжила Андертон. – Он открывает дверь и – бах!

– Теперь перенесемся на год вперед. На этот раз жертва – Алисия Кирчнер. Огромная разница между ними в том, что Алисия уже точно знала, что происходит. В новостях только и говорили про убийство Изабеллы Собек, она не могла не слышать о нем. А когда знаешь, что будет дальше, – страха на порядок больше.

– А еще через год, – перебила его Андертон, – новая жертва – Лиана Хэмонд, азиатка, убийство которой подняло этот страх на уровень выше. Раньше он нападал только на белых, и она до последнего должна была чувствовать себя в безопасности. После ее убийства страха стало еще больше.

– Вынужден признать, что организовывать убийства в один и тот же день в году – уровень гения. И когда весь город чего-то ждет, становится еще страшнее. Кого он привяжет к стулу в этом году? Или, другими словами, что он сделает в этот раз, чтобы все содрогнулись от ужаса?

– Может, следующая жертва будет с черным цветом кожи? – предположила Андертон.

– Он уже дал понять, что выбор жертв не зависит от расовой принадлежности, – покачал головой Уинтер.

– Может, это будет мужчина? Так он сможет продемонстрировать, что никто не застрахован. Страшно станет всем.

– Да, но я не думаю, что он пойдет таким путем. С одной стороны, он основательно всех напугает, но и риски вырастут весьма значительно. Ведь, в общем и целом, мужчины сильнее женщин.

– Поосторожнее с обобщениями. Думаю, тут я смогу с вами поспорить.

– Возможно, но это не меняет общей закономерности. Пока для меня очевидно, что убийца недостаточно развит физически. Скорее всего, он небольшого роста, около 168 сантиметров. Если и выше, то ненамного. И, скорее всего, у него комплекс по поводу своего низкого роста. Жертв он подчиняет не силой, а психологией. Поэтому он не будет нападать на мужчин.

Андертон хотела что-то сказать, но нахмурилась и передумала. Затем ее лицо снова разгладилось. Уинтер понимал, что ее мозг разрывается от мыслей.

– Значит, следующим может стать ребенок?

– Я думал об этом. У серийных убийц имеется своеобразная иерархия. Взрыватели – в самом ее низу. Они трусы. Ниже них только детоубийцы. Тот, кто взрывает ребенка, будет иметь статус ниже плинтуса.

– Ниже плинтуса, – задумчиво отозвалась Андертон. – Будем надеяться, он на это не пойдет.

Уинтер подошел к стулу и сел. Собек продолжал наблюдать за происходящим из дверного проема с непроницаемым выражением лица. Если что-то его волновало или вызывало

любопытство, он этого не показывал. Он стоял с абсолютно безразличным видом, фиксируя происходящее, но не демонстрируя свое отношение.

Уинтер закрыл глаза, и часовая стрелка закрутилась назад. Уже не он сидел на стуле, а Изабелла. Она проживала свои последние мгновения, с каждым новым вздохом приближаясь к смерти. Она была не в силах что-либо изменить. Уинтер не фантазировал, он превращался в нее. У него был такой дар. Дар или проклятие. Глубоко вздохнув, он погрузился в другое измерение.

*

Кухонная дверь закрывается, и я остаюсь одна. Шаги убийцы понемногу затихают. Входная дверь слишком далеко, и я не слышу, как она открывается. Бомба легче, чем кажется на вид, но с ней все равно тяжело. Некоторые вещи тяжелее, потому что они страшны сами по себе. Бомба как раз из таких. Кажется, она может раздавить меня своей тяжестью. Давит мне на ребра, и я могу задохнуться. Я первая жертва убийцы и не знаю, чего ожидать. В любом случае, я точно знаю мощь этой бомбы, ведь он мне все рассказал – настолько доходчиво, что даже мой скованный ужасом мозг понял. Мне остается только ждать Николаса. Большие я не могу ничего сделать. Это он тоже мне объяснил.

Когда ты зажата между камнем и жесткой поверхностью, ты на самом деле не ровно между ними. Что-то одно всегда давит больше, и от него ты пытаешься отодвинуться. Люди устроены так, что всегда ищут путь наименьшего сопротивления. Это относится в том числе и к смерти. Никто не хочет умирать долгой мучительной смертью. И никто не хочет умирать насильственной смертью. Никто не хочет, чтобы его разорвало на части то, что не уважает ни плоть, ни кровь. Кто может себе такое пожелать? Нет, все мы просто хотим мирно заснуть и не проснуться.

Вспомнить хотя бы тех несчастных, которые спрыгивали с высоких этажей баиен-близнецов в Нью-Йорке после теракта. Они стояли перед невозможным выбором: остаться на месте и сгореть или прыгнуть и удариться о жесткую поверхность. Почему же они прыгали? Потому что в тот момент огонь жег сильнее. Им нужно было отдалиться от него. Все остальное было неважно. А потом они летели, кувыркались в воздухе и падали, падали в другую смерть. Земля приближалась с каждым мгновением, и они уже ничего не могли поделать.

Здесь происходит ровно то же самое. Но я не так беспомощна, как мне кажется. Убийца рассказал мне про ртутный выключатель, срабатывающий при наклоне. Он объяснил мне, что одно неверное движение может привести к смерти.

Я умру. Это уже совершенно точно. Но Николас не должен умереть. Ужас парализует мозг, но это я понимаю. Мне просто нужно раскачать стул, чтобы он перевернулся. Если это получится, я спасу Николаса.

Но я и не могу этого сделать, потому что не хочу умирать. Пока я жива, есть шанс, что меня спасут. Не знаю, насколько это реально, но я просто не могу сдаться сейчас. Я буду бороться до последнего вздоха. Я даже решила, когда он настанет, – когда я услышу, что он пришел, я переверну стул. Умирать обоим нет смысла.

Но так тоже не получится. Я не услышу входную дверь, но услышу, если он окликнет меня по имени. Я бы крикнула ему в ответ, чтобы он не входил, но у меня рот заклеен скотчем. Нужно прямо сейчас перевернуть стул. Но я не могу. Я все еще дышу. Я все еще жива. Я слышу, как он ходит по комнатам и зовет меня. Вот он уже в коридоре, который ведет на кухню, а я все еще на стуле. Вот он уже стоит за дверью, а я все еще сижу. Ручка поворачивается, и становится слишком поздно. Дверь открывается, и взрыв разрывает мне грудь. Я умираю еще до того, как мое тело падает на дорожку мраморную плитку.

5

Открыв глаза, Уинтер увидел стоящую в метре от него Андертон. Она во все глаза смотрела на него, и в ее взгляде отражалась обеспокоенность и любопытство. Любопытства было больше. Он начал понимать, почему Собек оставил в этой комнате все так, как было. Это было его священное место. Уинтер представил, как он приходит сюда посреди ночи, чтобы пообщаться с призраком умершей жены. Он посмотрел на дверь. Собака не было.

– На врунишке горят штанишки, – прошептал он.

– Вы про кого? Про убийцу? – спросила Андертон.

– Бомбы ведь достаточно просто устроены, так? – кивнул Уинтер.

– Все верно. Если вникнуть, то все они практически одинаковые. Нужно какое-нибудь взрывчатое вещество, детонатор и выключатель, который приведет устройство в действие. Вот и все, и есть просто различные вариации одного и того же.

Уинтер встал и посмотрел на стул. Он представил, как на нем сидела Изабелла с бомбой на груди, в ужасе и отчаянии, парализованная страхом и нерешительностью.

– Убийца сделал ставку на старую добрую трубчатую бомбу. С единственной разницей, что он использовал половину трубки. Он разрезал ее вдоль посередине и заложил половину в пластиковый рукав, набил порохом и шариковыми подшипниками. Порох он взял из петард. Дождался Дня Канады, купил партию петард – чтобы не вызвать подозрений, разобрал их и собрал то, что ему нужно.

Андертон подошла и встала за спиной Уинтера.

– Задумка с половиной трубки была гениальной. В большинстве случаев корпус бомбы превращается в обломки. Раскаленные куски металла разносятся по всей зоне покрытия, убивая или травмируя всех, на кого попадают. Здесь же была всего одна жертва, Изабелла. Используя половину трубки, он смог направить взрыв прямо на нее. И он мог бы обойтись и без подшипников. Силы взрыва хватило бы на то, чтобы разорвать ей сердце. Так что они были лишь для подстраховки. Ему было важно, чтобы Изабелла умерла. Рисковать он не собирался.

– И интересный детонатор.

– Интересный? Наверное, можно сказать и так, – удивленно посмотрел на Андертон Уинтер.

– А какое слово использовали бы вы?

– Да нет, интересный, согласен, – сказал он, немного подумав.

И это действительно было так. Полиция подтвердила, что убийца сделал детонатор из новогодней лампочки. Он аккуратно надрезал край, чтобы не повредить нить накаливания, насыпал внутрь серу, счищенную со спичек. Такого рода лампы рассчитаны на напряжение в один вольт, но он подключил ее к девятивольтовой батарее. При срабатывании взрывателя нить перегорает и поджигает серу.

Также было доказано, что бомба была приведена в действие сигналом магнитного сенсора открывания двери – такого же, какой используется в домашних охранных системах. Суперклеем убийца приклеил магнит на дверь, а переключатель – на раму. Когда Собек открыл дверь, переключатель встал в закрытое положение, и цепь замкнулась. С этого момента взрыв уже был неотвратим. Приспособление действовало по законам физики. Когда реакция началась, уже ничто не могло ее остановить.

– А что сыграло роль слабой перемычки? – спросил Уинтер.

– Ею была Изабелла, – показала на стул Андертон.

– Именно. Она вносила элемент хаоса в систему, тогда как все остальное имело два устойчивых состояния: выключатель либо включен, либо выключен; детонатор либо приведен

в действие, либо нет. Взрывчатка либо в состоянии обычного порошка, либо активированного взрыва.

Андертон, задумавшись, снова пошла к стулу.

– Киллеру было необходимо, чтобы жертвы оставались обездвиженными. Причем полностью – чтобы не двинулась ни одна мышца, потому что в противном случае они могли вытащить провод, и бомба бы не взорвалась.

– Именно для этого он сказал ей, что бомба оснащена ртутным выключателем. Одно движение – и она мертва.

– Но его не было в конструкции бомбы. Это подтвердили следователи.

– Он просто врал. Хотя жертвы, конечно же, об этом не знали. Они ловили каждое его слово. Что бы он ни сказал, они бы поверили.

– А почему бы ему и правда было не оснастить бомбу таким выключателем? Его не так уж и трудно достать.

– Да, но гирлянды и спички достать еще легче. Убийца старается наследить по самому минимуму. Вся прелесть его бомбы в том, что ее можно собрать, не привлекая совершенно никакого внимания. Кто обратит внимание на человека, покупающего новогодние украшения в декабре? Или петарды в конце июня. Никто. Суперклей в любом хозяйственном можно купить в любое время года. То же самое с подшипниками и проводом, девятивольтовыми батарейками и стальной трубкой.

– Хорошо, я поняла. Если бы он использовал ртутный выключатель, мы могли бы найти место продажи.

Уинтер обратил внимание на ее «мы». Он понимал, что Андертон имела в виду не его и себя. Что ж, сотрудник полиции всегда останется сотрудником полиции.

– И это не единственная причина. Я бы даже сказал, не главная причина.

– Главная причина в том, что он не хочет, чтобы бомба взорвалась раньше времени.

– Это испортило бы весь кайф, – согласился Уинтер. – Бомбу должен обязательно взорвать муж.

– Так он демонстрирует свое всемогущество.

– Мне кажется, да. Смысл убийств – продемонстрировать свою власть, влияние. Так работает комплекс маленького человека – он пытается компенсировать травмы, которые отравляют его жизнь каждый день. Не забывайте, взрыватели – в самом низу иерархии.

– В самом низу... – задумчиво повторила Андертон. – Хорошо, мы установили, что он врал жертвам. Что нам это дает?

Уинтер снова стал осмысливать ситуацию с точки зрения того, где, кто и почему это сделал. Факт вранья позволял продвинуться в вопросе «почему». Но эта дорога была самая трудная. Если они поймут, почему убийца действует именно так, станет понятно, в каком направлении его искать, но ответ на этот вопрос не приведет их к его двери. У Уинтера была идея, как использовать эту информацию, но он не знал, даст ли Андертон разрешение на такой ход.

У каждого человека есть грань, которую он не переступает. Уинтер еще не успел определить, где она пролегает у Андертон. Табличка на передней панели в ее «мерседесе» давала повод для оптимизма. К тому же она отправляла ему копии всех материалов, собранных в рамках полицейского расследования по первым трем убийствам. Фотографии с места убийства, протоколы вскрытия, протоколы допросов, показания свидетелей. Этой информацией может обладать только тот, кто внутри следственного процесса, а не кто-то извне, не гражданское лицо, которым сейчас являлась Андертон.

– Это нам ничего не дает. На данном этапе у нас не слишком много информации. Согласны?

– Да.

– Собек ушел – видимо, ему не очень понравилось, что я сижу на его стуле.

- На его стуле?
- Ну а кто еще приходит сюда день за днем и сидит на стуле?
- Не думала об этом в таком свете, но да, возможно, так и есть. Как он вам показался?
- В одном вы были правы. Он определенно странный.
- И?

Уинтер помедлил.

– И я пытаюсь понять его мотивацию. До убийства Изабеллы его интересовали только символы статуса и их демонстрация на публике – машины, самолет, дом. Можно сказать, что Изабелла тоже была частью его коллекции. Такому человеку нужна под рукой трофейная жена. Я видел ее фотографии и от лица всего мужского пола могу заявить, что выглядела она потрясающе.

Андертон кивнула, ожидая продолжения.

– Именно по этой причине он так заиклен на всем этом. Кто-то украл у него коллекционную вещь, и это совершенно неприемлемо. Только подумайте. У него машины, на которых он не ездит, самолет, на котором не летает, и дом, в котором он не живет. Почему он выбрал такой стиль жизни? Потому что он коллекционер, а любой коллекционер стремится обладать вожаделенной вещью.

– А когда он ее получил, то уже не отпустит, – продолжила Андертон. – Только через его труп.

– Нам нужно не спускать с него глаз. Не хватало еще, чтобы он свершил над нами самосуд.

– Считаете, есть вероятность?

– Это вопрос к вам. Вы с ним в контакте последние три года. Кто знает его лучше, чем вы? Скажите – нам стоит беспокоиться?

Андертон не ответила. В этом просто не было необходимости. Ответ был написан на ее лице. Она и сама думала об этом и пришла к тому же выводу. Уинтер снова проверил свой телефон, но СМС так и не было. А было бы так хорошо получить его именно сейчас. Это было бы идеально. Он подождал еще несколько мгновений, но тщетно. Телефон молчал.

– Так и нет сообщения? – спросила Андертон.

– Так и нет. Ладно, я увидел все, что хотел. Предлагаю уходить.

6

– Мэрилин Монро, – изрек Уинтер, когда они сели в машину.

– А она здесь при чем?

– Ранним утром 5 августа 1962 года Мэрилин Монро была найдена мертвой в спальне в своем доме в Брентвуде, штат Калифорния. Если верить теории заговора, она была убита кланом Кеннеди. Если верить окружному следователю, она умерла от острого отравления барбитуратами. А если верить Элтону Джону, ее нашли обнаженной.

Андертон уже вставила ключ в зажигание и была готова повернуть его. Вместо этого она опустила руку, задев брелок.

– Знали бы вы, сколько часов мы пытались разгадать смысл этой даты.

– Думаю, много.

– Очень много. Мы изучили ее со всех возможных сторон, а потом – со всех невозможных. И когда мы закончили, то, знаете, к какому выводу пришли?

– Вы решили, что дата случайна. Я читал ваше итоговое заключение по делу.

– Именно, – кивнула Андертон. – Дата случайна. Первое убийство было совершено 5 августа три года назад. Почему он выбрал эту дату? Кто знает? Может, просто планеты так встали. Проходит год, и ему снова захотелось убивать. Приближается 5 августа, ему приятно

вспомнить о событиях годичной давности, и он думает – а почему бы и нет? – и убивает вторую жертву в годовщину первого убийства.

Она замолчала, чтобы сделать вдох. Уинтер явственно чувствовал ее раздражение. Оно прослеживалось в каждом слове, в каждом слоге. И он прекрасно понимал причину. Что может быть хуже пазла, который все никак не желает сложиться?

– Незапланированным следствием его выбора дат стало то, что эти убийства привлекли к себе гораздо больше внимания, чем любые другие. Люди любят повторы. Они нас завораживают. И вот проходит еще один год, и снова наступает 5 августа. Только в этот раз все по-другому. СМИ уже знают про эту историю и подогревают ажиотаж, подливают масла в огонь, и языки пламени вздымаются все выше. Воздух пропитан ожиданием. И наш убийца не хочет никого разочаровывать.

– Теория хорошая, – сказал Уинтер. – Проблема только в том, что она основана на совпадениях. В первый раз он убивает, потому что планеты сошлись, второй раз – чтобы поностальгировать, – скептически покачал головой он. – В данном случае речь идет о психопате, а у них ностальгии не бывает. Они прагматики по своей натуре. Одним словом, когда мы имеем дело с серийными убийцами, я предпочитаю не полагаться на совпадения.

– Тогда почему 5 августа? Какая у вас теория?

– На данный момент я понятия не имею, – пожал плечами Уинтер.

– Но вы считаете, что дата важна?

– Если мы поймем, почему выбрана именно эта дата, то сможем понять, кто он. Чем лучше мы его узнаем, тем легче будет его поймать. Добивается успеха не тот охотник, который дольше гоняется за жертвой, а тот, кто понимает ее настолько хорошо, что ждет ее у водопоя. Где, кто, почему? Все сходится в точке «почему». Это самая непонятная дорога, но и по ней можно добраться до места назначения.

– Вы заставили меня снова поверить в успех, – сказала Андертон через некоторое время. – А как вы будете искать ответ?

– Наиболее очевидный источник информации – документы по первым трем убийствам. Будем надеяться, в них есть что-то, что мы изначально пропустили. Я уже начал их изучать в самолете и планирую сегодня вечером продолжить.

– Там много информации.

Она была права. В доэлектронный период материалы заняли бы как минимум три коробки, по одной на каждое убийство. Сейчас все помещалось на флешке, и еще оставалось место для такого количества музыки, которое за всю жизнь не переслушаешь.

– Завтра важный день, – сказал он. – Очень хочу выспаться.

– Я бы предложила помощь в изучении материалов, но я уже их сто раз читала – с начала, с конца, с середины. Глаз замылился, и я леса за деревьями не вижу.

– Поэтому я и здесь. Свежий взгляд и свежее восприятие.

– И нам они нужны. Сейчас все просто сидят и ждут нового убийства. То есть, чтобы следствие запустилось вновь, кто-то еще должен умереть. Не могу этого допустить. Три женщины, которые должны были жить, уже мертвы.

– Поэтому мы должны рассмотреть ситуацию со всех возможных сторон. Помимо документов я хочу поговорить с мужьями остальных жертв. Это приоритет. Хотя они и не видели убийцу, но были свидетелями преступления. А значит, видели его опосредованно. Поэтому мне нужно с ними встретиться.

– Эрик Кирчнер так и живет в Ванкувере, так что с ним встретиться не проблема. С Дэвидом Хэммондом все сложнее. Он переехал в Монреаль и изо всех сил пытается забыть о происшедшем.

– Вы знаете, где живет Кирчнер?

– Да, недалеко от вашего отеля. По пути мы можем заселить вас в номер и оставить вещи.

– Так и сделаем.

Андертон повернула ключ, и зашумел двигатель. Не успели они отъехать, как у Уинтера завибрировал мобильный. Он достал его и посмотрел на экран. Уведомление об одном новом сообщении. Оно было коротким и приятным, поскольку содержало подтверждение встречи, которой он пытался добиться, как только узнал время своего приземления в Ванкувере.

Андертон дождалась, пока он поднимет взгляд от телефона.

– Судя по всему, это то сообщение, которого вы ждали?

Он кивнул.

– Хорошие новости или плохие?

– Как посмотреть. Что вы скажете о Шарлотте Дилейни?

– Которая освещает уголовные дела?

– Она самая.

– В таком случае скажу, что это бездушная кровопийца, не гнушающаяся ничем. Это я еще вежливо.

– Я так и думал. Значит, для вас новости не очень хорошие.

– Что вы задумали, Уинтер? – напряглась Андертон. – С какой стати Дилейни шлет вам СМС?

– Я сказал, что нужно это дело рассмотреть со всех возможных сторон. Ее сторона – одна из возможных.

7

Студия телекомпании «Глобал Би-си» располагалась в городе Бернаби, граничащем с восточной частью Ванкувера. Эти два города разрослись до состояния, когда уже было непонятно, где заканчивается один и начинается другой. Единственным признаком того, что вы въехали в другой город, был дорожный указатель. Дорога от дома Собека, с запада на восток, заняла сорок минут. Почти все они ушли на попытки Андертон убедить Уинтера в том, что он едет продавать душу дьяволу.

Повернув направо, они оказались на улице Энтерпрайз, вдоль которой располагался крупный бизнес-парк. Большие здания в стиле кубизма возвышались между тщательно спланированными участками зелени и парковок. Здание «Глобал» было третьим по ходу движения. Черный цвет, спутниковые тарелки и антенны придавали ему зловещий вид. В таком здании могло располагаться секретное правительственное агентство. Андертон подъехала на парковку, нашла свободное место и заглушила двигатель.

– Последний шанс уехать.

– Я знаю, что делаю.

Она кинула на него насмешливый взгляд.

– Это уже опробованная тактика, – сказал он. – И она результативна. В данном случае цель оправдывает средства.

– А в чем цель?

– Серийные убийцы тщательно отсматривают новостные выпуски, и мы этим воспользуемся, чтобы вытащить нашего киллера из норы. У нас два варианта. Либо мы его атакуем, либо пробуем выйти на контакт с ним. Полиция и СМИ атакуют его на протяжении последних трех лет, но добились лишь того, что еще глубже загнали его в тень. Сейчас, вместо агрессии, попробуем показать ему персонажа, который вызовет у него симпатию. Меня. Если все получится, он начнет с нами общаться.

– Вы всерьез думаете, что это возможно?

– Пока могу лишь сказать, что это возможно. Однажды во время следствия я дал интервью прессе и сказал, что убийцу неправильно поняли. Что его никто никогда не понимал, у

него было несчастливое детство, его никто не любил. Бла-бла-бла и т. д. и т. п. Через два дня полиция получила записку, написанную от руки. Она была адресована мне. На обороте было всего одно предложение: «Я не злой». Начиналось предложение с заглавной буквы, в конце была точка, все слова были написаны без ошибок. Мы сделали вывод, что это человек с образованием. Мы передали записку в СМИ, после чего три человека отозвались и сказали, что узнают почерк. Оказалось, что убийца был врачом-рентгенологом.

Андертон ничего не ответила.

– Для убийцы уже очень давно все складывается наилучшим образом, – продолжил Уинтер. – Например, сейчас все ждут, что он сделает дальше. Это полностью соответствует его ожиданиям, потому что в прошлом году было точно так же. Сейчас идеальное время, чтобы нанести предупреждающий удар.

– Это я понимаю. Был бы на месте Дилейни кто-то другой, я бы была только за. Ей нельзя доверять, Уинтер. Эта женщина – гадюка.

– Нужно, чтобы действовала именно она. Новости по «Глобал» смотрит больше всего людей, а Дилейни – номер один по уголовной тематике. Мы сможем охватить максимальную аудиторию. Какой смысл обращаться на кабельный канал, которых сотни? Их если кто и смотрит, то только мама ведущего. Наша цель – максимальное покрытие.

– Но ведь речь идет о Шарлотте Дилейни.

– Я с ней справлюсь.

– Хорошо, тогда расскажу свою историю. Дилейни не понравилось, как я вела следствие после убийства Изабеллы Собек. После гибели Алисии Кирчнер она заявила, что мне нужно уйти с должности, а после убийства Лианы Хэмонд совсем перестала церемониться. Когда я только пришла в полицию в молодости, я работала под руководством человека, который брал откаты. Я по незнанию выступала курьером и несколько раз перевозила эти деньги. В свою защиту могу сказать, что была молода и наивна и сделала ошибку. Это все. У меня не было намерения совершить преступление, я не пыталась что-то заработать таким образом. В Управлении пришли к выводу, что я была жертвой обстоятельств, и мне не предъявили никаких обвинений.

– Я уже все это знаю, Андертон. Вы можете не оправдываться. Вы – на стороне добра. Я в курсе.

Андертон жестом остановила его.

– Вам нужно знать, какая она, так что дослушайте меня. Так вот, она вытащила эту историю на свет и начала ее раскручивать. Выставила все так, словно я была его сообщницей. Придумала, что у нас была любовная связь и что я не такая белая овечка, за какую себя выдаю. К сожалению, мой бывший босс уже давно умер и не мог опровергнуть эти обвинения. Я, безусловно, все отрицала, но никого это не интересовало. Если СМИ начали кого-то травить – пиши пропало. Ты виновен, пока не докажешь обратное. И беспристрастных присяжных не найти. Если к тебе что-то прилипает, то это с тобой навсегда.

Она замолчала и посмотрела в окно. Уинтер знал, что мыслями она уже не здесь, а в тех темных днях. Как и в бизнесе, работа в полиции ориентирована на результат. Если смотреть на ситуацию глазами ее руководителей, Андертон была обречена. Материал Дилейни стал последней каплей. Они знали, что она невиновна, но ее имидж в глазах общественности был запятнан навсегда. Не было никакой возможности оставить ее во главе одного из самых крупных расследований. Ей предложили пораньше уйти на пенсию, и она согласилась. А что еще ей было делать? К тому времени про нее не написал только ленивый.

– Вот вам история в ответ. Как-то я допрашивал одного парня в тюрьме. Ему было девятнадцать, но выглядел он лет на двенадцать. Он убил всю свою семью – папу, маму и младшего брата. Молотком и электродрелью. Место преступления было похоже на фильм ужасов. В первый свой день в тюрьме он убил своего сокамерника, который решил, что молодой парнишка

станет легкой добычей, и ошибся. Тот умудрился двенадцать раз ударить его головой об пол, прежде чем его оттащила охрана. Другой его сокамерник умер по дороге в медпункт. Проломленный череп. Свидетели говорили, что этот ребенок вел себя как дикое животное.

– Ладно, поняла. Если вы справились с этим парнем, справитесь и с Дилейни, – она помолчала и глубоко вздохнула. – Не недооценивайте ее, Уинтер. Ни на секунду. Слышите?

– Ясно и четко. Вы здесь подождете?

Андертон посмотрела на него как на сумасшедшего.

– Ни за что. Я иду с вами.

– Уверены? Я думал, вы ближе чем за сто километров к ней не подойдете.

– Вы ошиблись. В любом случае, пока все это не закончится, мы партнеры. Это означает, что я вас прикрою. Всегда.

– Рад слышать.

– Нет, Уинтер, в этом месте вы должны сказать, что и вы прикроете меня.

– Всегда, – сказал он.

– А перед камерами так и будете в этой футболке?

Он опустил голову и понял, на что она намекала. На телевидении все решает внешность, и его футболка с группой «Дорз» была совершенно не к месту. Конечно, он тут же расположит к себе фанатов рока, но у огромной части населения его вид не вызовет доверия.

– Вероятно, вы правы.

– Безо всяких «вероятно».

Уинтер вышел из машины и открыл багажник. Белая хлопковая рубашка на дне его чемодана предназначалась как раз для таких экстренных случаев. Он снял футболку, надел рубашку и застегнул пуговицы. Кожаная куртка немного разбавила его образ второсортного офисного служащего.

– Последний шанс передумать, – не унималась Андертон.

– Все в порядке. Идем?

8

Андертон с деловым видом пошла через парковку. Левая рука у нее постоянно ударялась о бедро. Значит, именно здесь у нее раньше висело оружие. Войдя внутрь, они направились к лифту. Ресепшен второго этажа был ориентирован исключительно на посетителей новостной студии, которая была оборудована с претензией на высший класс, но выглядела весьма потрепанно. В обстановке преобладал черный цвет – полы, стол, мебель. Логотип «Глобал» гордо красовался на стене за столом ведущего.

Миниатюрная и симпатичная ассистентка горела желанием помочь. После кратких представлений она привела их в маленькую примерную, и уже через несколько секунд Уинтер сидел в парикмахерском кресле, а гример наносила тон. Не успела она переключиться на волосы, как появилась Дилейни. Она была такой же симпатичной и миниатюрной, как и ассистентка, но как минимум на десять лет ее старше. Уинтеру показалось, что пластических операций она еще не делала, но это время не за горами. В уголках глаз наметились морщины, и кожа потеряла былую эластичность. У нее была насквозь фальшивая сияющая улыбка. Облегающий темно-синий брючный костюм ей очень шел. Она подошла к креслу и протянула руку для приветствия.

– Приятно познакомиться, мистер Уинтер.

– Я тоже рад.

Они пожали друг другу руки. Ее хватка была чрезмерно крепкой. Впервые Уинтер не возражал, когда к нему применили обращение «мистер». В голове всплыли предупреждения Андертон. Крайне необходимо было обозначить границы. Тем временем Дилейни с улыбкой обернулась к Андертон.

– Рада вас видеть, Лора! – каким-то образом ей удалось улыбнуться еще шире и еще ослепительнее. – Значит, работаете частным следователем теперь. Поздравляю!

Андертон удалось сохранить хладнокровие. Ее эмоциональное состояние выдавали только пальцы, которыми она барабанила по невидимому пистолету.

– Тоже рада увидеться, Шарлотта. Всегда рада.

Дилейни задержала на ней взгляд еще на несколько мгновений, а затем вернулась к Уинтеру.

– Вы когда-нибудь были в прямом эфире?

– Был недолго, да.

– Хорошо. Значит, вы знаете, что нужно вести себя максимально естественно. Не бойтесь говорить много. Если мне покажется, что ваш монолог затянулся, я просто задам следующий вопрос. Мне нужно получить от вас словесный портрет убийцы. Я хочу ощущать, что мы залезаем к нему под самую кожу.

– Без проблем.

– Замечательно! – она посмотрела на свои дорогие «Ролекс». – Мы в эфире через шесть минут.

В который раз ослепительно улыбнувшись Уинтеру и Андертон, она ушла, оставив за собой шлейф аромата духов.

– Не понимаю, о чем вы волновались, – сказал он, когда дверь за ней закрылась. – Она душка.

– Нет, Уинтер, это змея подколотная. Помните об этом.

9

Уинтера проводили в студию и посадили на большой красный диван перед зеленым экраном. Дилейни уже заняла свое место. Мужчина с наушником что-то быстро ей говорил, визажистка поправляла прическу. На маленьком напольном мониторе транслировалась картинка, которую будут видеть зрители. Уинтер ощущал себя в параллельной реальности. На самом деле за его спиной висел однотонный зеленый фон, а если смотреть в монитор, все происходило в новостной студии, оформленной в стиле хай-тек.

Уинтер взял со стола стакан с водой и сделал глоток. Микрофон, который прикрепили к рубашке, при малейшем движении царапал кожу. Он старался избегать журналистов. Но если был шанс сдвинуть следствие с мертвой точки, он соглашался пойти на контакт. Это как иметь дома тигра в роли питомца. Может, животное и будет вести себя послушно, но нужно быть готовым к тому, что в любой момент оно может подойти и отгрызть тебе голову.

Дилейни посмотрела на него.

– Тридцать секунд, – прошептала она. – Вы в порядке?

– Да, все отлично, спасибо. Вы?

– Я хорошо, – улыбнулась она.

Уинтер мысленно начал обратный отсчет. Когда-то специалисты по СМИ рассказали ему основные правила поведения в эфире: избегать «ну» и «эмм», не молчать, ничего не теребить, свести к минимуму жестикуляцию.

Человек с наушником передвинулся к большому экрану-суфлеру. Пальцами он показывал Дилейни секунды до эфира – три, две, одна. Дилейни включила свою улыбку и нашла рабочую камеру. В словах, которые она произносила, не было ничего неожиданного. Она говорила ровно то, что было написано на экране пятнадцатисантиметровыми буквами. Эфирный голос у нее был на два тона ниже собственного и звучал глубоко, громко и компетентно.

– Сегодня вечером у нас в гостях бывший криминалист ФБР Джефферсон Уинтер, один из небезызвестных охотников за серийными убийцами в Куантико. За одиннадцать лет работы

в Бюро он успешно распутал не одно сложнейшее дело. Сейчас он присоединился к ловле Августовского Взрывателя. – Она отвернулась от камеры и посмотрела прямо на него. – Спасибо, что пришли к нам сегодня, мистер Уинтер.

– Спасибо за приглашение.

– У вас уже была возможность ознакомиться с делом. Каковы ваши первые впечатления?

– Я обратил внимание на то, насколько умен этот человек.

Идеально выщипанные брови Дилейни поползли на лоб от удивления.

– Умен? Могли бы вы поделиться с нами, как вы пришли к такому выводу?

– Полиция уже три года безуспешно ищет этого человека. Для того чтобы все эти годы опережать следствие на один шаг, требуется железная дисциплина, планирование и, да, ум. Мы совершенно точно ищем не двоечника.

– Что еще вы можете сказать о нем?

– Люди называют его монстром. Это ошибка. Он не монстр.

Дилейни не выдержала и усмехнулась.

– Не уверена, что наши зрители с этим согласятся. Если он не монстр, то кто же тогда?

– Скажу так: его никогда не понимали. Ребенком он наверняка испытывал равнодушие со стороны взрослых. Никто к нему не прислушивался. Никто не замечал. Каково ему было жить, когда родители игнорируют, а сверстники чураются? Это жутко. Ребенку так жить невозможно.

– У многих людей было тяжелое детство, но они не стали серийными убийцами.

– Я в данном случае говорю не в принципе, я говорю о человеке, которого вы называете Августовским Взрывателем. Это еще одна проблема. Зачем люди придумывают клички? Почему им обязательно нужно навешивать ярлыки? Они превратили его в посмешище. А он им не является. Он живой человек, который дышит, как и мы. Давайте не будем об этом забывать. Каждый из нас заслуживает права голоса, мисс Дилейни. Каждый из нас заслуживает быть услышанным.

Дилейни вновь надела свою натренированную улыбку.

– Вы заняли достаточно противоречивую позицию. Хотя противоречия – ваша родная среда. Когда вам было одиннадцать лет, вашего отца арестовало ФБР. Он был одним из самых известных серийных убийц в Америке. За двенадцать лет он убил пятнадцать молодых женщин, которых похищал, вывозил в лес и охотился на них с ружьем.

– Не услышал здесь вопроса.

– Я поговорила с одним из ваших бывших коллег по ФБР, – продолжила Дилейни. – Он считает, что отношения с отцом мешают вам быть беспристрастным в работе. По его мнению, вы слишком сильно пытаетесь понять убийцу, на это уходит много времени и очень мешает эффективной работе. Он назвал вас обманщиком и охотником за славой.

Уинтер покачал головой, пожал плечами и всплеснул руками – в этих жестах проявилось его нарастающее раздражение.

– Я все еще не слышу вопроса. У нас же интервью? Вы задаете вопросы, я на них отвечаю. Или я что-то не понимаю?

– Вы охотитесь за славой?

– Нет.

– При этом вы сегодня здесь.

– Мы здесь не для того, чтобы говорить обо мне. Следующий вопрос.

– А что вы скажете о том, что вас называли мошенником?

– Следующий вопрос.

Дилейни улыбнулась и продолжила говорить уже более мягким голосом.

– Вы уже обсуждали свои мысли с полицией?

– Еще нет. Если они захотят поговорить со мной, то могут мне позвонить в любое время.

Я с радостью поделюсь с ними своими выводами.

– Думаю, это маловероятно. Вы ведь работаете с Лорой Андертон, так?

Уинтер не успел вставить ни слова. Дилейни повернулась лицом к камере.

– Наши постоянные зрители помнят, что мисс Андертон вела расследование этих трех убийств, но в прошлом сентябре ее отстранили от должности.

Уинтер подался вперед, нарушив личные границы Дилейни.

– Вы не очень хороший человек, – сказал он тихо. – Вам кто-нибудь об этом говорил?

– Прошу прощения?

– Вы меня прекрасно слышали. Так что же случилось? Папочка оставил вас в детстве? Мамочка связалась с дядей, который был чересчур внимателен к вам? Что-то же должно было случиться. Чтобы накопить такой груз обиды, какой носите вы, нужны долгие годы.

Дилейни продолжала держать улыбку, но губы ее начинали подрагивать.

– При всем уважении к вам, интервью не обо мне.

– Почему нет? Вы только что радостно смешали с грязью мое имя. И имя Лоры Андертон, – Уинтер грустно покачал головой. – Знаете что? Она вас на десять голов выше.

– По вашему мнению.

– По мнению всех.

– Многие люди с вами не согласятся.

Уинтер мило улыбнулся.

– Не так много, как вам кажется. Лора Андертон тридцать лет расследовала убийства в этом городе и делала это очень хорошо. Поверьте, в этой сфере ошибок не прощают. Она заслуживает уважительного отношения. Не думаю, что это какое-то особое требование. Более того, думаю, что любой мало-мальски приличный человек согласится со мной. Хотя да, вы же журналист, что вы знаете о приличиях?

Мужчина с наушниками подал сигнал заканчивать. Уинтер прикинул, что у него есть около десяти секунд. Возможно, пятнадцать.

– Интервью закончено, – сказал он.

Не успела Дилейни и рта раскрыть, как Уинтер встал и двинулся на камеру. Человек с наушником жестами требовал прекратить эфир. На мониторе Дилейни, наоборот, давала понять, что съемку нужно продолжать. Уинтер смотрел прямо в объектив.

– Завтра вечером один из вас, зрителей, будет сидеть у себя на кухне с бомбой на груди, – заговорил Уинтер, смотря прямо в объектив. – Это, безо всяких сомнений, будет самый страшный опыт в вашей жизни. Тот, кто повесит на вас бомбу, скажет, что она взорвется, если вы сделаете хоть одно движение. Это ложь.

Он сделал еще один шаг вперед. Красный индикатор на камере горел. Значит, есть еще несколько секунд. Он видел свое лицо, занимавшее весь монитор. С волосами творился какой-то ужас. Зеленые глаза сверкали. Он выглядел, как фанатичные баптистские проповедники, которые пугают пламенем и серой и сулят покой, если отдать жизнь Иисусу Христу. Говорил он при этом спокойным и ободряющим тоном, который совершенно не вязался с внешним видом.

– Вы сможете спастись, – говорил он. – Вам нужно будет опрокинуть стул, на который вас посадит убийца, и двигать его до тех пор, пока от бомбы не отойдет провод. Вам очень не захочется все это делать, но это единственный способ выжить. Сделайте так, и останетесь живы.

Уинтер открепил микрофон, вытащил из-под рубашки провод, отсоединил от ремня коробку-передатчик, сложил все на пол и пошел к выходу.

– Скажи мне, что ты все заснял! – кричала Дилейни, когда он выходил. – Ради бога, скажи, что ты все это снял.

10

Андертон ждала в зоне ресепшен и с кем-то говорила по телефону, не отрывая взгляд от экрана, на который транслировался эфир: два журналиста уже обсуждали неожиданный уход Уинтера с интервью. Она увидела его и быстро свернула разговор.

- Я же говорила вам, она змея.
- Говорили. Кто это был? – спросил Уинтер, кивая на телефон.
- Собек. Рассказывала ему, что происходит.
- Как дела у Собека?
- Цветет и пахнет. Передает привет.
- Не передает.
- Да, с концовкой я переборщила, – улыбнулась она. – Уходим?

Они стали спускаться по лестнице пешком. Уинтеру необходимо было пройти. Адреналин в крови зашкаливал. Как только они вышли, он достал сигарету, сделал затяжку и выдул длинный клуб дыма. От никотина повеяло прохладой и спокойствием. Уинтер почти сразу же пришел в себя. Вездесущая психосоматика. Никотин – стимулятор. И яд. Он надел темные очки и пошел к «мерседесу». Андертон шла рядом, кидая на него многозначительные взгляды.

- Да, знаю, это вредная привычка и мне нужно бросать.
- Я и слова не сказала.
- И без слов понятно.
- Не переживайте, я не собираюсь читать нотации. Сама бросила десять лет назад. Знаю,

как это сложно. Если хотите убивать себя, дело ваше.

- Вы же сказали, что нотаций не будет.
- Поверьте, это я еще даже не начинала. Ладно. Что это было – там, в студии?

Уинтер остановился и повернулся к ней лицом. Ему было видно собственное отражение в окне одной из рядом стоящих машин. Это было лицо невинного человека, совершенно прозрачного, не сделавшего ничего плохого.

- Не понимаю, о чем речь, – ответил Уинтер.
- Хорошо, попробую спросить по-другому.

Андертон явно пыталась подобрать нужные слова. Уинтер прекрасно понимал, что происходит. Эту распространенную методику допроса он и сам использовал множество раз. Тишина становилась напряженной. В душу начинали пробираться сомнения. Он ждал, когда она подберет слова.

– Вы думаете, я и правда поверю, что человека, выдержавшего взгляд отцеубийцы с дре-лю, выведет из себя журналистка?

- Она про вас плохие вещи говорила, Андертон. Очень плохие вещи.
- Вы же разыгрывали ее?
- Именно.
- Зачем?

– Я хочу, чтобы это интервью собрало рейтинг. Если кто-то срывает эфир, это тут же попадет в интернет. Максимальный охват. Вот что нам нужно.

- Надо это запустить на YouTube, – кивнула она. – Назвать «Фэбээрщик облажался»
- Ну, вообще-то я бывший фэбээрщик, и я не облажался.
- Да, но ролик с названием «Бывший фэбээрщик немного расстроился, давая интервью» никто смотреть не будет.

- Это точно, – рассмеялся Уинтер.

Андертон достала телефон и стала тыкать в экран указательным пальцем.

- Пишу СМС знакомому, – сказала она, увидев взгляд Уинтера. – Они выложат интервью.

Закончив, она убрала телефон.

– Кстати, спасибо за защиту моей чести.

– Пожалуйста. Как было сказано ранее, мы партнеры, а партнеры прикрывают друг друга. Андертон двинулась к машине, и Уинтер последовал за ней.

– Нам нужно поговорить о главном, – сказала она. – Вы не были полностью откровенны со мной.

– Я и не мог быть.

– Вопрос: насколько вы уверены в том, что в следующей бомбе не будет выключателя, срабатывающего при наклоне?

– На 99 процентов. Поэтому я и не мог ничего сказать вам заранее. Если бы я сказал вам о своем плане, вы бы его одобрили?

– Да.

– Нет, – покачал он головой. – Вы провели в полиции тридцать лет. Вы давали клятву защищать людей. Даже один процент риска – это слишком много, когда речь идет о жизни и смерти. Предположим, я ошибся. Что теперь будет? Следующая жертва наклоняет стул и разрывается на части. Смерть на вашей совести.

Андертон ничего не сказала.

– О чем я и говорю.

– А как же вы? Ведь если вы ошиблись, эта смерть будет на вашей совести.

– Такого не будет. Это же психология. Сами подумайте. В его распоряжении – с десятков способов взорвать бомбу. Мог бы поставить таймер. Мог бы сидеть в машине и ждать прихода мужа, а потом взорвать ее звонком мобильного. Мог бы предусмотреть выключатель, срабатывающий при наклоне. Любой из способов привел бы к нужному результату – жертва была бы мертва.

– Но ему обязательно нужно, чтобы взрывателем был муж.

– Да, это его главная отрада. Ему нужно, чтобы открылась дверь и бомба взорвалась. Именно в таком порядке. Дверь – взрыв. Он хочет, чтобы руки мужа были обагрены кровью его жены.

Андертон остановилась и поймала его взгляд.

– На будущее – если у вас будут возникать какие-нибудь мысли, я хочу о них знать. Даже если они совершенно сумасшедшие и ни к чему не приведут. Я бы даже сказала, особенно такого рода мысли меня интересуют. Я понятно объяснила?

– Более чем.

– В таком случае мне больше нечего сказать, – отрезала Андертон, продолжая смотреть на Уинтера. Выражение ее лица сменилось с крайне раздраженного на озадаченное.

– Что? – спросил он.

– В первой части интервью вы хорошо разворачивали эту тему насчет «мы и они», а потом все испортили обращением к следующей жертве.

– К сожалению, у меня не было другого выхода. Где, кто, почему – помните? В доме Собака я краем глаза увидел почему. Это дает нам возможность спасти чью-то жизнь, а этот козырь покроет все. Ведь, в конце концов, мы же здесь сейчас, чтобы спасти жизни, не так ли?

– Так. Знаете, я, конечно, всем своим существом терпеть не могу Дилейни, но лучшего человека на роль противника трудно найти. Она вам сильно облегчила задачу.

– Точно, – оценил шутку Уинтер. – Эта женщина демонстрирует концепцию «мы и они». Она живет, чтобы разделять и властвовать.

Дойдя до машины, Уинтер переоделся в чистую футболку, на этот раз с группой «Битлз». Какое облегчение было снять рубашку! Вновь появилась возможность вдохнуть полной грудью. Двигатель завелся с первого же оборота.

– Ну что, теперь поехали в гости к Кирчнеру, – сказал Уинтер. – Где он живет?

- В Маунт-Плезант.
- Сколько туда ехать?
- Должны доехать за двадцать пять минут.

11

Эрик Кирчнер больше не жил в доме, где была убита его жена. После трагедии он не провел в доме ни одной минуты, а сразу же снял маленькую квартиру на 7-й авеню. Когда-то этот район был неблагополучным, но сейчас дела здесь шли в гору. Удачное расположение и общий рост цен на недвижимость способствовали облагораживанию местности. Квартира Кирчнера была в старом и неухоженном доме, который, судя по всему, изо всех сил сопротивлялся обновленческим тенденциям. Застройщики, конечно же, придут и сюда, но не факт, что скоро. Еще не освоены гораздо более привлекательные объекты.

Дорога заняла полчаса – на пять минут дольше, чем предполагала Андертон. По пути была небольшая авария, и пришлось поехать в объезд. Это было не так важно, поскольку Кирчнера дома все равно не оказалось. Андертон постучала дважды, на всякий случай. Ответа не было. Она достала телефон, нашла в списке контактов номер Кирчнера и дотронулась до экрана, чтобы сделать вызов.

- Давно с ним не разговаривала. Надеюсь, он не поменял номер.

Уинтер приблизил ухо к телефону, чтобы слышать разговор. Трубку сняли после третьего гудка. Голос на том конце принадлежал мужчине, но он был настолько тихим, что расслышать слова было невозможно. Разговор был короткий. Андертон повесила трубку и убрала телефон.

- Кирчнер едет с работы. Будет здесь примерно через пятнадцать минут.

- Он не очень рад был вас слышать, да?

– Можно сказать и так. Он изо всех сил старается забыть о происшедшем, а тут звоню я и снова окунаю его головой в прошлое.

– Даже если бы вы не позвонили, ничего бы не изменилось. Завтра пятое. Он только об убийстве жены и сможет думать.

- Наверное.

- Предлагаю подождать в машине. Там как-то поуютнее.

Уинтер направился к лестнице. Андертон помедлила несколько мгновений и пошла за ним. «Мерседес» был припаркован в пятидесяти метрах от входа в подъезд. Квартира была прямо перед ними. Кирчнер никак не сможет пробраться внутрь незамеченным. Они сели в машину.

– Нам бы сюда еще кофе и коробку с пончиками – и получится образцовая картинка полицейской слежки, – сказал Уинтер. – Кстати говоря, очень хочется есть. Как только закончим, мне нужно найти еду.

– Не помню, когда я в последний раз выезжала на слежку. Годы или даже десятилетия назад. – Андертон замолчала и покачала головой. – Ужас, как летит время.

- Я вас понимаю.

– Нет, не понимаете, – засмеялась Андертон. – Вы еще ребенок. Лучшие годы жизни еще впереди.

- Бросьте, не такая уж вы старая, а я не так молод.

– Мне пятьдесят три года, и поверьте, бывают дни, когда я чувствую на себе тяжесть каждого из них.

- Пятьдесят – это новые сорок, – сказал Уинтер.

- Легко говорить, когда вам лишь немного за тридцать.

Они замолчали, и установилась комфортная тишина. Секунды текли. Уинтер смотрел в окно на многоквартирный дом.

Ждать Кирчнера. Убивать время. Все как на слежке.

– Вы ведь скучаете по работе в полиции, да?

– Каждый день. Это то, ради чего я живу. Знаю, звучит громко, но это правда. В работе была вся моя жизнь, которую взяли и отняли. Наверное, поэтому я сейчас здесь. Не могу отпустить и забыть.

– Да и зачем?

– Один раз я была замужем, но мне не понравилось, – начала рассказывать Андертон, повернувшись к Уинтеру. – Мой муж был хорошим человеком, но, в конце концов, и он не выдержал. У меня в жизни было слишком много работы, ужаса и грязи. Сотрудник полиции вместо жены – это не подарок. Если кому-то нужны здоровые отношения, то это точно не сюда. Еще дети. Мне нравилась сама идея иметь детей, но реальность никак к ним не располагала. Ничего бы не вышло, – вздохнула она. – А потом ты просыпаешься в один прекрасный день и понимаешь, что то, что было возможно когда-то, больше невозможно, и ты спрашиваешь себя – а оно того стоило? Я все принесла в жертву работе, Уинтер.

– И оно того стоило?

– Когда-то я верила, что да. Сейчас я уже не так уверена.

Андертон снова стала смотреть в окно, а Уинтер взглянул на часы. Если Кирчнер нигде не задержится, ждать оставалось десять минут.

– Чарльз Линдберг, – высказал Уинтер вслух обрывок своих мыслей.

– Он имеет какое-то отношение к 5 августа?

– Не к завтрашнему.

– Хорошо, спрошу в лоб. При чем здесь Линдберг?

– Маленький сын Линдберга был похищен 1 марта 1932 года. Тело мальчика нашли через несколько месяцев недалеко от дома Линдбергов в Нью-Джерси. Похитители случайно убили ребенка и выкинули тело. При этом, желая получить выкуп, врал, что он жив.

– Не понимаю, – нахмурилась Андертон. – Объясните, как похищение чуть ли не столетней давности может иметь отношение к происходящему сейчас?

– Общее у них то, что это самое крупное нераскрытое преступление XX века.

– Если я правильно помню, – еще сильнее нахмурилась Андертон, – полиция поймала похитителя.

– Но того ли человека они поймали?

– Вы сомневаетесь?

– Бруно Ричард Хауптман был обвинен в похищении и убийстве Чарльза Линдберга-младшего 13 февраля 1935 года. Был казнен на электрическом стуле в государственной тюрьме города Трентона, штат Нью-Джерси, 3 апреля 1936 года. Его последние слова были: «Ich bin absolute unschuldig an den Verbrechen, die man mir zur Last legt». Что значит: «Я совершенно не виновен в совершении преступления, в котором меня обвиняют».

– Нужно ли мне напомнить вам о том, что наши тюрьмы переполнены исключительно невиновными людьми?

– А мне нужно ли напомнить вам о том, что ошибки в правосудии иногда случаются?

– Да, это так, но я по-прежнему не понимаю, как это связано с нашим случаем.

– Чарльз Линдберг был одной из самых влиятельных фигур того времени. Также он был помещен на контроле. С самого начала он указывал следствию, в каком направлении им работать. Если бы он не лез не в свое дело и дал возможность полиции и ФБР завершить расследование, я уверен, что похитителей бы нашли.

– И вы думаете, что Собек делает то же самое.

Уинтер кивнул.

– Если вы теряете контроль над следствием, его практически невозможно вернуть. Мы ведем это расследование. Собек в лучшем случае должен сидеть на заднем сиденье. Он имеет

право на свое мнение, которое мы имеем право проигнорировать. И нам с самого начала нужно было дать это понять. Поэтому я был с ним достаточно жесток сегодня.

Андертон на какое-то время задумалась над услышанным.

– Знаете, – сказала она, – я легко могу себе представить, что Собек может убить. Поэтому я столько времени и сил потратила на него в самом начале расследования. Он выглядел очень виноватым и подходил под параметры. А вы и без меня знаете, что большинство убийств совершается знакомыми жертвы.

– Вы можете не оправдываться.

– Я и не оправдываюсь. Я констатирую факты.

Уинтер посмотрел в лобовое стекло. К зданию шел мужчина, который мог оказаться Кирчнером, если бы не прошел мимо дома. Пока они ждали, прохожих практически не было видно. Район был немногочисленный. Подходящее место для жизни, если есть желание спрятаться от мира.

– Так что вы думаете? – не отставала Андертон. – Собек может убить?

– По критериям психопатии Хейра он бы набрал от тридцати до сорока баллов.

– Что определяет его как психопата.

– Но даже такой высокий балл не означает, что он обязательно убийца.

– Это вы сейчас про хороших психопатов, так? – уточнила Андертон.

– Да, – кивнул Уинтер. – За неимением лучшего определения. Нужно помнить, что есть немало глав компаний, политиков и звезд шоу-бизнеса, которые набрали бы такой же балл, и в большинстве своем они не убийцы.

– Вы думаете, что Собек – хороший психопат?

– Пока не начнут всплывать новые трупы, я буду думать так, да.

Андертон отвернулась от него и стала смотреть прямо перед собой через лобовое стекло.

Ожидание, скука, убитое время. Все как на слезке. Уинтер пожалел, что у них нет кофе. И пончиков. Особенно пончиков. Он уже чувствовал, как падает уровень сахара в крови. Андертон снова повернулась к нему.

– Давайте вернемся к похитителям Линдберга. Вы сказали, что их было несколько, хотя следователи с радостью повесили все на Хауптмана. Вы явно не согласны с версией волка-одиночки. Тогда какая версия у вас?

– Может, у меня и нет версии.

– Судя по тому, что вы на память знаете даты и места, у вас она явно есть, – Андертон посмотрела на часы. – У нас еще пять минут до прибытия Кирчнера. Расскажите.

– Хорошо. Начиная с момента ареста и до момента смерти Хауптман заявлял, что невинен. Его жена, Анна Хауптман, дожила до девяноста пяти лет, и она тоже утверждала до самой своей смерти, что он невинен. Но Хауптман нес на себе некоторое бремя вины, это очевидно. Для похищения потребовалась лестница особой конструкции, а он был плотник, и по какой-то случайности в его бумагах нашлись чертежи лестниц. Также он когда-то работал у торговца лесом, из материала которого была впоследствии сделана эта лестница. К тому же записки с требованием выкупа были написаны полуграмотным немцем-иммигрантом, и – какое совпадение – им-то он и являлся.

– Вы утверждаете, что полиция построила дело на косвенных уликах.

– Большую часть дела. Почти невозможно объяснить тот факт, что ему принадлежал бочонок гвоздей из той же партии, которые использовались при сборке лестницы. А, и еще он спрятал треть суммы выкупа у себя в гараже. Несмотря на утверждение, что он лишь «присматривал» за деньгами, его уровень жизни резко изменился после получения выкупа. И так мы подходим к самой убийственной улке. Шестнадцатый участок переключин этой лестницы был сделан из досок, которые лежали у него на чердаке.

– Да, Хауптман явно имел отношение к случившемуся, но это не означает, что он виновен в убийстве и даже причастен к похищению, – слушала и соглашалась Андертон.

– Именно. Если бы суд над Хауптманом был честным, то он бы избежал наказания, поскольку налицо обоснованные сомнения. Но у него не было никаких шансов на справедливый суд. Похищение Линдберга было преступлением века. Каждая его деталь тысячу раз обсуждалась в прессе. У всех было свое мнение, и совершенно невозможно было найти непредвзятых присяжных заседателей. Не будем забывать еще и то, что общество жаждало крови. Это преступление должно было быть раскрыто, а Хауптман был подходящей жертвой.

– А кто же убийца?

– К сожалению, мы уже никогда этого не узнаем, потому что основные игроки уже давно мертвы.

– Но... – продолжила за Уинтера Андертон.

– Но мы точно знаем две вещи. Первое: в тридцатых годах похищения превратились в большой бизнес. Второе: Хауптман был судим и в США, и в Германии. Возможно ли, что он входил в состав темной группы немецких иммигрантов, объединившихся с целью этого похищения? Да. Я бы даже сказал, это более чем возможно. В конце концов, Линдберг был одним из самых богатых людей того времени, а значит, он был идеальной мишенью. А поскольку это было групповое похищение, это бы также объяснило, почему Хауптман предпочел сесть на электрический стул, а не выдать остальных членов группы.

– Если с их стороны были угрозы его жене, то все становится понятным, – кивала Андертон.

Через две минуты на улицу повернул старый и грязный «Форд Фокус» и припарковался около дома. Машине было по крайней мере десять лет, на крыльях уже виднелась ржавчина. Из нее вышел мужчина, сутулившийся так, словно весь груз этого мира лежал на его плечах.

– Эрик Кирчнер? – спросил Уинтер.

– Он самый.

12

Услышав, как хлопнули двери «мерседеса», Кирчнер вздрогнул. Голова у него непроизвольно дернулась, а тело напряглось, словно он готов был броситься бежать.

– Мистер Кирчнер, – позвала его Андертон.

Кирчнер замер и обернулся. Увидев Андертон, он ощутимо расслабился. Не до конца, конечно, но мысль спастись бегством отпустила его. Они подошли. По документам ему было всего тридцать четыре. Вблизи казалось, что все пятьдесят. Одет он был в дешевый поношенный костюм со старомодным воротом. Андертон представила их друг другу. Рукопожатие Кирчнера было мягким и вялым.

– Не понимаю, – сказал он. – Видел в новостях, что вы больше не ведете расследование.

– Я больше не веду следствие на стороне полиции, но я по-прежнему расследую эти убийства. Считаю, что человек, взорвавший вашу жену, должен быть пойман и предстать перед правосудием.

Кирчнер стоял с потерянным и нерешительным видом. Казалось, слова Андертон его не убедили.

– Не возражаете, если мы поговорим у вас в квартире? – спросила она.

– Конечно, как хотите.

Кирчнер повел их внутрь. Здание, как и он сам, было заброшенным и всеми забытым – словно мир отсекся от них обоих. Квартира располагалась на третьем этаже. Он провел их в гостиную.

– Пожалуйста, располагайтесь.

Кирчнер жестом указал на старый диван. Ни один из элементов мебели в комнате не сочетался с остальными. Можно было уверенно предположить, что все покупалось в магазине подержанных вещей за копейки и выбиралось не по внешнему виду, а исключительно по функциональности. Главным критерием была дешевизна, а эстетические качества принимались во внимание в последнюю очередь. Съемный шик. Уинтер достаточно пожил в съемных квартирах и был прекрасно знаком с такого рода обстановкой. В гостиной не было никаких отпечатков личности Кирчнера, не было даже фотографии Алисии. В этом не просматривалось ничего удивительного: горе все переживают по-своему. Кто-то воздвигает алтари, а кто-то силится все забыть. Собек принадлежал к первому типу, Кирчнер – ко второму.

Только вот забыть было нереально, потому что все напоминало о ней. Каждый раз, когда Кирчнер возвращался в свою захудалую квартиру, он вспоминал. Каждый раз, когда смотрел в зеркало и видел свой загнанный взгляд, он вспоминал. А в преддверии годовщины было еще тяжелее, потому что об убийстве напоминали газеты и телевидение. Его преследовали сочувствующие взгляды и доброжелательные слова друзей, родственников и коллег. Как бы сильно он ни хотел сбежать от всего, это было невозможно.

– Выпьете что-нибудь? – предложил Кирчнер.

– Мне ничего не нужно, – отмахнулась Андертон.

– стакан молока, – сказал Уинтер. – и бутерброд с арахисовым маслом и джемом, пожалуйста.

Кирчнер не поверил своим ушам.

– Хорошо. А вам? – спросил он Андертон. – Принести что-нибудь поесть?

Андертон снова отмахнулась.

– Seriously? Бутерброд с арахисовым маслом? – набросилась она на Уинтера, дождавшись, когда Кирчнер выйдет из комнаты.

– С арахисовым маслом и джемом, – поправил он.

– Вы считаете, это прилично?

– Возможно, неприлично, но необходимо. Последний раз я ел в самолете, а это было много часов назад. У меня уровень сахара почти на нуле. Поверьте, вам лучше не видеть меня в этом состоянии.

– Как скажете.

– Если не возражаете, я сам буду задавать вопросы.

– Нет проблем. Вы лучше знаете, что ищите.

Кирчнер вернулся и подал Уинтеру тарелку с бутербродом, который тот прикончил за пять укусов, запивая молоком. Срок хранения хлеба, судя по вкусу, уже истек, но Уинтер был слишком голоден, чтобы беспокоиться об этом. Кирчнер сел в кресло напротив дивана. Точнее, присел на самый его краешек, готовый в любой момент сбежать.

– У меня есть несколько вопросов, – сказал Уинтер.

– А вы кто, простите?

– Меня зовут Джефферсон Уинтер. Раньше работал в ФБР. Сейчас выступаю консультантом.

– Меня допрашивали после убийства жены. Вы ведь в курсе? Я рассказал полиции все, что знаю.

Перед словом «убийство» он заколебался. Прошло два года, но для него все было как вчера. Убийство замораживает близких жертвы в прошлом.

– Я хочу попробовать провести с вами когнитивное интервью. Вы не слышали о таком?

– Нет, – покачал головой Кирчнер.

– Я вас проведу по нему, – успокоил его Уинтер. – Нужно будет закрыть глаза, мысленно вернуться в вечер убийства Алисии и описать мне, что вы видите, слышите и ощущаете. Вот

и все отличие от обычного – вы заново проживаете тот момент посредством своих чувств. Преимущество данного подхода в том, что он углубляет уровень воспоминаний.

– Заново проживаете, – повторил Кирчнер. – Не уверен, что хочу это делать.

– Я понимаю ваше нежелание, но нам это очень поможет.

– А как поможет копание в прошлом? Разве это вернет Алисию? – Кирчнер покачал головой. – Нет, не хочу.

– Вы правы, мистер Кирчнер, ее уже ничто не вернет. Но убийца все еще на свободе, и, если мы его не поймает, завтра вечером кто-то придет домой с работы, откроет дверь в собственную кухню, и для него начнется тот же кошмар, в котором вы живете каждый день. Задам такой вопрос, – помолчав немного, сказал Уинтер. – Что бы вы отдали, чтобы изменить прошлое?

– Все, – тихо и ни секунды не колеблясь ответил Кирчнер. Было очевидно, что этот вопрос он задавал себе тысячу раз, мучаясь ночами от одиночества.

– К сожалению, это уже невозможно, но вы можете повлиять на будущее. Это я и предлагаю – возможность сделать так, чтобы этот ужас не коснулся кого-то еще.

Кирчнер какое-то время молчал. Казалось, ему стало еще хуже, чем было.

– Ладно. Что мне делать?

– Закройте глаза.

Кирчнер закрыл глаза.

– Если что-то будет приходить в голову, сразу говорите. Неважно, насколько это будет странным. Наоборот, чем страннее, тем лучше. Важно, чтобы мысли, которые придут, не фильтровались.

– Понятно.

– Хорошо, – сказал Уинтер почти шепотом. Подобно гипнотизеру, он замедлил темп речи и говорил, растягивая слоги. – Представьте, что вы сейчас лежите на красивом пляже. Солнце греет вашу кожу, вы слышите волны, прилив и отлив волн. Погрузитесь в это состояние, прочувствуйте его. Услышите крик чаек, ощутите соль на губах и языке...

Кирчнер кивнул.

– Хорошо. Теперь медленно сосчитайте от десяти до нуля. С каждым счетом вы будете все глубже погружаться в расслабленное состояние.

За следующие тридцать секунд Кирчнер заметно расслабился. Его дыхание замедлилось и стало более глубоким. Морщины разгладились, и он снова помолодел.

– Вернемся в вечер убийства. Вы едете с работы домой. Может быть, у вас в машине играет музыка или, наоборот, вы наслаждаетесь тишиной.

– Играет радио, – прошептал Кирчнер сонным голосом.

– Вы подъехали к дому. Припарковались там же, где обычно?

Кирчнер кивнул.

– Вы глушите двигатель и выходите из машины. Какая погода?

– Светит солнце. Галстук я снял еще раньше, рукава рубашки закатаны. Я без пиджака, потому что слишком жарко.

– Что происходит дальше?

– Я вхожу в дом. Понимаю, что Алисия дома, потому что вижу ее сумку в шкафу. Вешаю свою куртку и зову ее по имени, но она не отвечает. Я снова зову – на этот раз кричу около лестницы, подумав, что она в спальне. В ответ тишина. Я понимаю, что она, скорее всего, на кухне.

В этот момент его голос сорвался и лицо исказилось болью. Уинтер вмешался, чтобы Кирчнер не выпал из процесса.

– Хорошо, оставайтесь пока в коридоре. Что вы видите?

– Все двери закрыты.

– Это необычно?

– Нет. Уходя на работу, мы закрываем кота в кухне, потому что его везде рвет шерстью. Но сейчас он как-то выбрался. Сидит на самом верхе лестницы.

– Опишите его.

– Черно-серый полосатый кот. Крупный.

– Как его зовут?

– Мышь. Когда он был котенком, имя ему подходило. Но потом он его перерос.

– Что происходит дальше?

– Мышь спускается и подходит ко мне. Я беру его на руки, чешу и ругаю за то, что он выбрался из кухни.

– Что вы в этот момент ощущаете?

– Я в недоумении. Его здесь быть не должно. Алисия, скорее всего, случайно выпустила его из кухни. Так бывало раньше.

– Но в этот раз что-то не так. Что-то не так, как всегда. Что?

– Не знаю, – он еле заметно мотнул головой.

– Осмотритесь. Есть ли что-то, что не как обычно или не на своем месте?

– Не думаю.

– Ощущается ли какой-нибудь запах?

Кирchner сморщился.

– Что такое? – мягко спросил Уинтер.

– Ничего не чувствую.

– И это необычно?

Он кивнул.

– Алисия приходит с работы раньше меня, поэтому по будням ужин готовит она. Я готовлю по выходным.

– Идите к кухонной двери.

Как только Уинтер произнес эти слова, дыхание Кирchnera ускорилось, и он начал ерзать на кресле.

– Положите руку на ручку двери. Дверь открывается на вас?

– Нет, от меня.

– Значит, вы ее толкаете. Что происходит дальше?

Кирchner неожиданно открыл глаза.

– Вы сами знаете, что дальше, – зашипел он.

– Я только думаю, что знаю. Это не одно и то же.

– Дальше я открыл дверь и убил жену.

– Это уже обработанная сознанием версия. Я хочу знать, что случилось на самом деле.

Мне нужны детали. Что вы увидели? Какой запах почувствовали?

– Зачем вам такого рода детали?

– Потому что моя работа – влезать в мозг людей, которые совершают эти преступления. Я могу их поймать, только если пойму, как они мыслят.

Кирchnera не удовлетворило такое объяснение. Он хотел, чтобы Уинтер поскорее убрался из его квартиры и из его жизни. Реакция была очень понятна. Его травма еще не зарубцевалась, рана лишь слегка затянулась, а Уинтер снова раздирал ее в кровь.

– Мистер Кирchner, – вмешалась Андертон, – мы знаем, что это очень тяжело, но вы могли бы нам помочь.

– Зачем? Вы же не настоящие следователи.

Андертон вздрогнула. Он попал в больное место.

– У меня к вам такой вопрос, – снова включился Уинтер. – Сколько раз в день вы проживаете убийство Алисии?

Кирчнер молчал. Он пребывал в очень удрученном состоянии. По некоторым признакам можно было заключить, что он принимает медикаменты. Алкоголь – однозначно, но, вероятно, и лекарства, которые без рецепта не купить. Белки глаз у него были в красных прожилках, кожа – землистого цвета, волосы взлохмачены, потому что он постоянно проводил по ним дрожащей рукой. Возможно, руки дрожали из-за характера вопросов, но вероятнее всего из-за приближения «счастливого часа» в ближайшем питейном заведении.

– Смерть Алисии отравляет все ваше существование, – сказал Уинтер. – Даже когда вы не думаете о ней, ее образ где-то рядом. Воспоминания ежедневно, ежесекундно преследуют вас. Когда же вы сознательно вспоминаете ее убийство, становится еще хуже. В случае с эмоциональными переживаниями мозг не делает различия, воспоминание это или то, что происходит сейчас. Каждый раз, когда вы вспоминаете о случившемся, вы снова и снова переживаете события того дня.

– Вы даже понятия не имеете, о чем сейчас говорите.

– В этом-то все и дело, мистер Кирчнер, что я прекрасно это понимаю. Я вас прошу лишь о том, чтобы вы поделились со мной одним из ваших и без того повторяющихся переживаний. Возможно, они нам не помогут. Но могут и помочь. Если есть хотя бы теоретическая возможность успеха, согласитесь, она стоит некоторого дискомфорта с вашей стороны. Вы ведь и без нас будете распинать себя этими воспоминаниями.

Кирчнер глубоко вздохнул, силясь принять решение. Одно дело – сидеть в пустом зале и смотреть, как раз за разом на большом экране бесконечно разворачиваются твои воспоминания. И совсем другое дело – распахнуть двери и пригласить весь мир смотреть на них вместе с тобой. Когда он, наконец, заговорил, его голос был совсем безжизненным – безэмоциональным, плоским, мертвым.

– Я открыл дверь, и меня будто лошадь ударила копытом. Меня отбросило назад, я упал на пол, стал пытаться отползти. Мозг отключился, и я действовал на автопилоте. Поднялся на ноги, в ушах звенело. Я понял, что случилось что-то плохое, но не мог понять, что именно. Но вскоре я все понял. Понял, что произошел взрыв. А потом я вспомнил, что Алисия была в кухне. Я каким-то образом дошел до двери и зашел. Был очень сильный запах гари. Я увидел опрокинутый стул. Что на нем кто-то есть. Я подбежал, это была Алисия. Я попытался ее разбудить, но не смог. Я все пытался и пытался, но она не просыпалась. Вот и все.

– Спасибо, – сказал Уинтер.

Кирчнер смотрел в одну точку, по его лицу текли слезы.

– Уходите, – сказал он.

13

Спортбар на набережной назывался «У Фрэнки». Стены были украшены вещами и символикой хоккейной команды «Канакс»: клюшки, шлемы, форма с автографами игроков. На большом экране транслировался футбольный матч, который никто не смотрел. Столик Уинтера был достаточно близко к бару, чтобы наблюдать за происходящим, и достаточно далеко, чтобы это происходящее не отвлекало от мыслей. Обычно он избегал спортбаров в принципе, но этот был почти пуст и находился недалеко от отеля. К тому же здесь был приличный выбор виски. Последний фактор стал решающим.

На помощь Дэвида Хэмонда надеяться не приходилось. Номер его мобильного, который был у Андертона, работал, но сам он отказался помогать следствию. Теперь он жил в Монреале, за пять тысяч километров от Ванкувера, рассчитывая отдалиться от событий годичной давности географически и эмоционально. Его жена умерла, и он хотел продолжать жить. Андертон была настойчива, но это ни к чему не привело. Что ж, это не конец света. Уинтер уже нашел большую часть искомого у Кирчнера.

Сделав глоток виски, он вытащил мобильный и зашел в почту. Сообщения от Андертон находились в отдельной папке. Он искал среди них те, в которых были приложения. В самом начале переписки Андертон присылала ему все документы по этому делу, надеясь его заинтересовать. Эффективная приманка, которую он заглотил.

Уинтер загрузил отчет о вскрытии тела Изабеллы Собек и начал его читать. Материалы придавали Уинтеру уверенности в том, что Изабелла была лишь экземпляром в коллекции Собека. Он относился к ней как к собственности, а не как к живому человеку. Ее имени так шли сокращения – Белла, Иззи, Иза. Подошло бы любое из них. Когда знакомишься с кем-то, сближаешься, неминуемо возникают такие ласкательные обращения. Но в данном случае этого не случилось. Для Собека она навсегда осталась Изабеллой. Уинтер не мог представить, чтобы Собек звал ее уменьшительным именем. Он даже не мог представить себе, чтобы он назвал ее «дорогая» или «милая». Словно это уменьшит ее ценность, снизит стоимость его собственности. Фотографии Уинтер уже видел. Если бы на ней был женат он, она была бы Белла. Без вариантов.

Он пробежался по отчету, впитывая в себя все детали. Любую смерть всегда вызывает одно из двух состояний: легкие перестают качать воздух или сердце перестает качать кровь. При наступлении любого из них смерть неотвратима. Другие случаи – лишь вариации этих двух. Иногда, как в данном случае, имеют место оба состояния. Согласно заключению судмедэксперта, взрыв вызвал остановку сердца Изабеллы и разорвал аорту. Подшипники пробили грудь, разорвали легкие, парализовав их деятельность. То же самое случилось с Алисией Кирчнер и Лианой Хэмонд. Взрыв убивал их, а подшипники играли роль контрольного выстрела.

Спорный вопрос, насколько необходимы подшипники. Теоретически можно было обойтись без них. Во всех трех случаях мощность была достаточной для достижения нужного эффекта. Единственная проблема с петардами заключалась в том, что заранее трудно точно предсказать итоговую мощность. Это была неизвестная переменная в уравнении. Наверняка киллер проводил тестовые взрывы, и у него было примерное понятие об ожидаемом эффекте, но место для сомнений по-прежнему оставалось. Хватит ли мощности для решения задачи? Подшипники – это подстраховка. Если каким-то чудом жертва останется живой после взрыва, начинка точно не оставит шансов.

Где, кто, почему? Уинтер снова и снова задавался вопросом – почему. На пути к нему было больше всего неизвестных. Убийства, совершаемые серийными убийцами, обычно бывают вызваны или необходимостью, или жадной потребностью. Только в данном случае ничего из этого не подходило. Необходимость была очевидной в сценарии, где убийца насилует жертву и боится, что его узнают, или если он переборщил с собственными фантазиями. В данном случае Уинтер не видел ничего похожего. Оставалось наслаждение, но и оно не встраивалось в логику убийств. Убийца действовал чужими руками. И явно не испытывал желания смотреть в глаза жертвам в момент лишения их жизни.

Также маньякам свойственна потребность быть неподалеку от места преступления. Их заводит всеобщее смятение и хаос, заставляя испытывать опьяняющее чувство собственного превосходства. Андертон знала это и снимала на камеру толпу, которая собиралась у домов, где происходили убийства. Но никто не вызвал подозрений.

Также убийца мог следить за домом жертвы до взрыва. Тогда это объяснило бы склонность взрывать чужими руками. Но все же что-то не сходилось. Все убийства были совершены в жилых районах в период с шести до восьми вечера. Люди возвращаются с работы в это время. Кто-то что-нибудь да заметил бы.

Андертон отработала профессионально и на этот раз. Район прошерстили, но жители не заметили никого подозрительного. Уинтер не очень-то доверял показаниям свидетелей. Конечно, они могли приносить пользу, но зачастую вызывали больше вопросов, чем давали ответов. Обычно этим показаниям придавалось большое значение, что приводило к погоне

за неуловимым диким зверем. Память весьма подвижна и легко искажаема. Вы можете быть уверены, что занавески в комнате вашего детства были голубыми, но на самом деле они были красными. И в последний раз в ресторане вы заказывали курицу, а не говядину.

В данном случае Уинтер с радостью бы принял показания свидетелей за истину. Если убийца сидел в машине и ждал взрыва недалеко от дома, кто-нибудь бы его увидел и рассказал. Даже если бы не удалось получить мало-мальски четкого описания его внешности, они, по крайней мере, могли бы подтвердить, что он там был.

Но ни в одном из убийств не отмечалось ничего подобного. На этом основании Уинтер заключил, что убийца не находился рядом с домами жертв во время взрывов, а значит, теория убийства ради получения удовольствия тоже была неоправданной. Если убрать из уравнения удовольствие и необходимость, остается только большая вопросительная дырка. Серийные убийцы не совершают беспричинных поступков. Идти на поводу у собственных капризов слишком рискованно. Уинтер решил отложить этот вопрос. Пусть подсознание поиграет немного с этой темой, и, возможно, всплывет что-то новое. Иногда настойчивые попытки решить вопрос здесь и сейчас приводят лишь к новым вопросам без ответа.

Уинтер допил виски и поставил стакан на подставку. Самым разумным было бы сейчас вернуться в отель и там продолжать работать с документами. Но слишком уж хорошо пошел виски. На стене за барной стойкой висело зеркало. Выставленные в ряд бутылки сияли, отражая свет, как янтарные украшения. Отражались в них и лица людей – смеющиеся, серьезные, улыбающиеся, печальные. И среди них вдруг оказалось одно весьма любопытное.

Уинтер встал и пошел к бару. За стойкой работал тот же бармен, что и ранее. Ему было под шестьдесят. Маленькие глаза, полное лицо. У него была внешность заядлого алкоголика, которому точно не место на такой работе. Можно было уверенно прогнозировать отказ печени. Мать Уинтера умерла с этим диагнозом, поэтому он знал, как выглядят его носители.

Бармен разливал напитки, косясь на экран. Он единственный из присутствующих следил за матчем. Уинтер принес виски к себе за столик и сел. Опустив стакан на бумажную подставку, он идеально выровнял ее строго параллельно краям стола. Человек, вызвавший его любопытство, сидел за столиком у бара, откуда прекрасно просматривалось зеркало, в котором отражался весь зал, а сам он оставался неприметным. Вдобавок его прикрывали двое парней, которые шумно соревновались, кто больше выпьет. Защита была надежна. Все, кто посмотрит в ту сторону, обратят внимание на подростков, а не на него.

Уинтеру казалось, что этого человека не было в баре, когда он сюда пришел, но полной уверенности не было. А вспомнить это было важно, потому что, если мужчина там уже был, то, значит, у него просто паранойя. Планов прийти сюда и выпить у Уинтера не было. Бар имел свои преимущества, но можно было бы легко пройти мимо. А если человек за ним следит, то как бы он пришел сюда первым? Только имея способности к ясновидению или машину времени. Безусловно, это было абсолютно нереально.

С другой стороны, если этот человек пришел сюда после Уинтера, то вопросов возникает еще больше. Он сделал глоток виски. Скользнув взглядом по зеркалу, он несколько секунд смотрел, как толпа взрослых мужчин бежит за мячом по идеально постриженной траве, и думал, что все это значит.

Зеркало давало Уинтеру идеальный угол обзора для наблюдения за тем мужчиной, что автоматически означало, что и тот так же хорошо видит Уинтера. Он сидел, опустив голову и уставившись в телефон, и водил пальцем снизу вверх, словно что-то читая. Возможно, так и было. Но возможно и нет. Это не было столь важно. Он явно пользовался возможностью остаться незамеченным, и мобильный телефон был ничуть не худшим прикрытием, чем любой другой предмет. Кто обратит внимание на человека, сидящего в телефоне? Каждый день сотни людей вокруг заняты ровно тем же.

Уинтер достал свой телефон и разблокировал его. Отыскав номер Андертон, он отправил ей короткое сообщение:

У Фрэнки. На набережной. За мной слежка.

Через считанные секунды пришел ответ:

Что? Кто?!?!

Белый мужчина, немного за 30, рост 170, худой, незаметный. Профи.

Убийца?

Интервью вышло 2 часа назад. Посчитайте

Звоню Фримену. Оставайтесь на месте, скоро будем.

Не успел Уинтер ответить, пришло следующее сообщение:

Ничего не предпринимайте!!!

В ответ Уинтер отправил милый смайл:

☺

14

Уверенность превращается в абсолютное знание только по мере появления фактов. До этого момента всегда есть вероятность, что всплывут доказательства, опровергающие самую выверенную гипотезу. Уинтер уже имел достаточно четкое представление о происходящем, но сомнения не давали ему покоя. Человек за столиком медленно пил пиво и время от времени поглядывал на большой экран, пользуясь возможностью перевести взгляд на зеркало. Уинтер вел себя точно так же: случайный взгляд на экран, затем – по касательной на зеркало. То, что мужчина по-прежнему сидит за столиком, означало одно из двух. Предстоящие десять минут должны были показать, что именно.

Во-первых, появилась Андертон. Уинтер заметил ее еще в дверях и замахал рукой. Она переделалась в другие джинсы – новые, чистые и отглаженные. Блузка сменилась на серую футболку с очертаниями небоскребов Нью-Йорка. Кроссовки тоже были новые, гораздо менее потрепанные, чем его. Волосы не успели высохнуть после душа или ванны. Уинтер решил, что это был душ. Душ предпочитают прагматики, ванны – фантазеры. Человек в зеркале не подал виду, что что-то произошло. Он никак не прореагировал и продолжал смотреть футбол.

Еще через двадцать секунд события получили свое развитие. Не успела Андертон пройти и полдороги к столику Уинтера, в бар вошел Фримен – преемник Андертона, от которого теперь зависело все расследование. То, что он пришел сюда без оперативной группы, бронежилета и оружия, означало, что теория номер один получила свое полное подтверждение.

Уинтер встал и помахал ему. Фримен застыл в нерешительности на несколько мгновений, словно не зная, как реагировать. Помахать? Кивнуть? В конце концов он не сделал ни того ни другого, а просто пересек зал и подошел к столику. Ему было под пятьдесят, у него было красивое лицо с крупным подбородком и гармоничными чертами. Человек с таким лицом очень благоприятно выглядит в кадре. Его руководителям был нужен человек, которого можно

показать журналистам. И это было разумно. Расследование велось на фоне обильной критики, и им хотелось отыграть симпатии общества. По словам Андертон, Фримен – идиот, но она была ожидаемо пристрастна. Его уровень компетентности не мог быть ниже среднего. На таком деле должны работать лучшие люди, а не те, чьи профессиональные навыки оставляют желать лучшего. К сожалению, Фримен выглядел совершенно неубедительно. За годы работы Уинтер повидал множество политиков и узнавал их с первого взгляда.

– Вон ваш убийца, – сказал Уинтер, кивнув на столик, за которым сидел мужчина-наблюдатель.

Фримен не оглянулся. Он смотрел на Уинтера и молчал.

– Это белый мужчина, – продолжал Уинтер, – что соответствует предполагаемой расовой группе. Также под описание подходят телосложение и рост. По чистой случайности он оказался здесь сразу после моего появления на ТВ. Предлагаю достать наручники и арестовать его. Что скажете?

– Думаю, нам стоит сесть и обсудить это в цивилизованной манере.

– Да, стоит, – поддержала его Андертон.

Они стояли не двигаясь. Возникло противостояние, хоть и в отсутствие оружия и ощущения неотвратимой опасности. Уинтер сел первым. За ним последовал Фримен. Через несколько секунд к ним присоединилась Андертон.

– Ты используешь Уинтера как наживку, – обвинила она полицейского.

– Нет, он сам себя использует, не так ли?

Вопрос был явно обращен к Уинтеру, который не говорил ни слова.

– Задача интервью состояла в том, чтобы выманить убийцу из норы, – продолжал Фримен. – Вы хотите, чтобы он вышел с вами на контакт.

– С вами или со мной, неважно. Если нам удастся установить с ним прямую связь, это будет прорывом. Письмо или мейл дадут нам море новой информации для работы.

– Давайте сразу договоримся: «нас» нет.

Уинтер улыбнулся.

– Я ошибся. Под «нами» я имел в виду себя.

Фримен не улыбнулся ему в ответ. Его рот был сжат, глаза прищурены, и смотрел он достаточно свирепо.

– Хорошо, признаю. Предположив, что киллер может выйти с вами на связь, я принял решение об организации слежки за вами.

– А на каком этапе ты планировал нам об этом сообщить? – спросила Андертон.

– Ни на каком.

– И совесть тебя не мучает в связи с этим? Ты используешь члена общества, чтобы выманить серийного убийцу, который уже жестоко расправился с троими.

– Этот член общества все-таки бывший агент ФБР. А также эксперт по серийным убийцам. Давайте не будем об этом забывать. Себя поставь на мое место, – пожал плечами Фримен. – Ты бы что сделала?

– Я бы, по крайней мере, нашла в себе силы сообщить о своих действиях. Это элементарные приличия.

– Не нашла бы. И по той же самой причине, что и я. Такие ловушки гораздо лучше работают, если приманка не знает о том, что за ней следят. Тогда они не выдадут себя. Ты знаешь об этом не хуже меня, Лора.

– Это нарушение этических норм, Питер.

Фримен повел бровями.

– Ты и правда хочешь сейчас обсуждать этические нормы?

– Надо было поставить нас в известность!

– А тебе надо было сказать мне, что ты подключила к следствию эксперта.

– Это не одно и то же. Даже рядом не стоит.

– Разве? Ты никогда не умела работать в команде, Лора. Тебе важно одно – поймать преступника. Думаю, ты уже всю мечтала, как поймаешь его и будешь для всех выглядеть героиней.

– Я хочу, чтобы он предстал перед правосудием. Это все. Мне неважно, кто будет осуществлять сам арест.

– Как благородно! Только это все вранье.

Андертон промолчала.

– А мне важно. Победа нужна полиции. Если мы найдем и обезвредим убийцу, это будет наше достижение.

Уинтер прочистил горло. Андертон и Фримен посмотрели на него.

– Вы ссоритесь, как брат и сестра. Пререкаетесь и препираетесь, но глубоко внутри вы друг друга очень любите, – сказал он и улыбнулся. – Хорошо. Думаю, мы все согласны с тем, что самое важное – остановить эти взрывы. Так?

Андертон и Фримен нехотя кивнули.

– Лучше всего будет, если мы будем работать вместе.

– Вы имеете в виду, что мы должны будем обмениваться информацией? – спросил Фримен.

– Все верно. Как говорится, одна голова хорошо, а две – лучше. В данном случае у вас в распоряжении головы всего управления полиции Ванкувера по борьбе с убийствами, а у нас – только моя и Андертон. Сложи их вместе, и получится намного больше голов, чем две. Если мы объединимся, мы сможем сдвинуть горы.

– Вы это серьезно?

– Я серьезен, как инфаркт. Потому что неминуемо будут вещи, которые мы заметим, а вы упустите, и наоборот. Вы говорите, что хотите поймать этого парня. Я говорю, что лучше всего это получится, если мы объединим наши ресурсы.

Фримен ненадолго задумался.

– Хорошо. Но у нас есть некоторые ограничения. Предупреждаю, что, в связи с особым характером следствия, будет информация, которую я не смогу сообщить.

– Я понимаю. Мы будем рады узнать то, что вы сможете нам сообщить.

– И я также не настолько наивен, чтобы поверить, что вы будете рассказывать все.

– Ну конечно. Я бы не стал оскорблять ваш ум, предлагая что-то иное. Я могу обещать, что мы будем делиться всем, чем сможем. Еще одно. Мне нужно, чтобы вы отозвали своего шпиона. Я заметил его, а значит, убийца тоже его заметит.

– Но вы член общества. Я не смогу простить себе, если с вами что-то случится.

– Серьезно? – рассмеялась Андертон.

– Хорошо, снимаю этот хвост. Но вы должны пообещать мне, что, как только вы нападете на след убийцы, вы мне сообщите об этом.

Уинтер положил руку на грудь.

– Клянусь жизнью.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

– Не дойдет. Убийца предпочитает не марать руки, значит, слишком близко он не подберется. Единственное место, где он может достать меня, – отель. И сразу говорю – мне не нужно, чтобы кто-то вел слежку за отелем. Я справлюсь, если он приблизится ко мне там.

Было видно, что Фримена это не убедило.

– Вы что-то хотели сказать? – спросил Уинтер.

– Пока нет. А вы?

– Пока нет.

Фримен встал и поправил куртку.

– У Лоры есть мой номер, если вам нужно будет связаться со мной.

Он пошел к двери. Мужчина, сидевший за столиком, присоединился к нему, и они вышли вместе. Уинтер посмотрел, как за ними закрылась дверь, и повернулся к Андертон.

– Что вы об этом думаете? – спросил он.

– Думаю, что мне нужно выпить.

– Я знаю место. Здесь недалеко.

– А здесь почему нельзя остаться?

Уинтер посмотрел на большой экран, обшарпанную спортивную символику, несчастного бармена и ощутил всю депрессивность здешней обстановки.

– Пойдемте отсюда, – сказал он, вставая и снимая куртку со спинки стула.

15

Отель «Шангри-Ла» имел в Ванкувере статус эксклюзивного и был одним из самых дорогих. Уинтер жил в нем без каких-либо угрызений совести. Собек мог позволить себе содержать самолет, на котором не летал, машины, на которых не ездил, роскошный дом, в котором он даже не жил. Он транжирил деньги направо и налево, и на этом основании Уинтер был более чем счастлив, что и ему немного перепало.

Андертон прохаживалась по номеру люкс, трогая вещи и удовлетворяя свое любопытство. В руке у нее был коктейль из водки и колы. Уинтер пил 21-летний виски «Спрингбэнк», подарок Собека. Когда он проверял цену на этот виски в последний раз, в рознице он стоил четыреста долларов за бутылку. В этом заключалась вторая причина, почему он хотел уйти из спортбара. Купажированный виски был приемлем, когда в крови не хватало алкоголя, но односолодовый давал совершенно иные ощущения. Фоном тихо играла 41-я симфония Моцарта, создавая приятный контраст вибрациям от «Спрингбэнка».

Андертон остановилась около большой карты Ванкувера на стене. С каждой стороны от карты висело по три фотографии – Изабеллы Собек, Алисии Кирчнер, Лианы Хэмонд. Фотографии слева были сделаны в счастливый период их жизни – на них женщины улыбались или смеялись, и ничто не предвещало скорого конца. Фотографии справа были сделаны на месте преступления, на них были обезображенные тела. Места убийств были обозначены на карте города красными крестами. Андертон взяла красный маркер и заключила их в один большой круг. Круг примерно соответствовал тому, что Уинтер уже нарисовал у себя в голове.

– Вот его рабочий район, – сказала она. – Он действует только в своей зоне комфорта.

– И здесь же он живет, – добавил Уинтер. – Комфорт прежде всего определяется местом, которое считаешь домом.

– Вы знаете, сколько людей живут в этом районе?

Уинтер покачал головой.

– Почти сто тысяч.

– Значит, будем обходить дома.

– Знаете, сколько в этом районе домов?

– А кто сказал, что будет просто.

Андертон подошла к окну и выглянула на улицу. Было почти девять часов, и солнце уже почти зашло. Горизонт окрасился в оранжевый цвет, в городе зажглись огни.

– Знаете, этот люкс больше, чем вся моя квартира.

– Не преувеличивайте, – засмеялся Уинтер.

– Если бы. У меня в квартире две спальни, одна из которых размером со шкаф, а гостиная – с ваш санузел. Я купила ее двадцать восемь лет назад, еще до замужества. Тогда у меня хватило денег только на нее. Сейчас я могла бы купить квартиру побольше, но зачем? В моей

есть все, что мне нужно: спальное место, рабочее место и где приготовить обед. Наверное, я никогда не проводила много времени дома.

– Я тоже. Раз попробовал, но как-то не пошло. Когда я работал в Куантико, у меня был дом в Вирджинии. Вернее, у меня и сейчас есть дом в Вирджинии.

– Но вы там не живете?

– Я там не был много лет. Нужно продать его. Сам не знаю, почему до сих пор этого не сделал.

– У Собека тоже дом, в котором он, по сути, и не живет.

– Да, но, по крайней мере, моя кухня не выглядит, как Бейрут после бомбардировки. И почему вы решили сравнить нас?

– Снова вспомнила про хороших психопатов. А вы сколько баллов набрали по опроснику Хейра?

Уинтер улыбнулся и ничего не ответил.

– Больше или меньше Собека?

– А почему вы спрашиваете? Это собеседование в Гуантанамо?

– Нет, Уинтер, это просто разговор. Вы когда-нибудь были женаты?

– Вы что, шутите? Кому же я такой нужен?

Андертон критически осмотрела его сверху донизу.

– Постричься, побриться, переодеться – и вы будете выглядеть практически презентабельно. Может, придется где-то сгладить углы. Начать с этой вашей педантичности. Она очень раздражает, – засмеялась Андертон, но скоро снова посерьезнела. – Фримен честно играть не будет. В лицо он улыбается, но потом вонзает нож в спину. Так вот запросто он информацию не передаст.

– Я и не ожидаю, но даже мелочи помогают. Важно то, что мы наладили общение с человеком, который – в теории – знает о ходе следствия все. Этаким кладезь информации. Но он не единственный источник, который у нас есть в полиции, так?

– На что вы намекаете?

– Что вы сразу выпускаете иголки? Это всего лишь вопрос. Люди в ходе беседы обычно задают друг другу вопросы.

Андертон посмотрела на него, но ничего не сказала.

– Вы были ведущим следователем полиции Ванкувера, пока вас не убрали. Конечно, вы нажили врагов, иначе Фримен сейчас не занимал бы ваше место. Но, я уверен, у вас осталось там немало друзей, с кем вы до сих пор поддерживаете отношения, обсуждаете погоду, вчерашний матч и, возможно, какие-то новые повороты в деле.

Андертон еще какое-то время молча смотрела на него, потом сделала глоток коктейля, подошла к дивану и села. Уинтер устроился в кресле. Какое-то время они сидели в тишине, нарушаемой только обволакивающими звуками музыки. Звучала последняя сочиненная Моцартом симфония, лучшая, по мнению Уинтера. В ней был заключен весь спектр эмоций, лежащий между надеждой и отчаянием. Если бы человеческие чувства можно было выразить в музыке, то эта симфония послужила бы идеальной формой для их воплощения. Каждый раз, когда он слушал это произведение, ему открывалось что-то новое.

– Никогда не думала, что вы поклонник классической музыки, – сказала Андертон. – Рок – да, но не классика.

– Моя мать преподавала игру на фортепиано, а Моцарт был ее любимым композитором. Когда она была беременна мной, то прикладывала к животу наушники, чтобы я мог слушать.

– Неужели кто-то правда так делает? – рассмеялась Андертон.

– Вам придется в это поверить.

– Вы сказали, что мама была преподавателем. Она уже на пенсии?

– Нет, она умерла.

– Сожалею.

– Почему? Ведь вы не виноваты в этом.

– Нет, но это то, что обычно говорится в подобных ситуациях. Значит, и вас мама научила играть?

Вопрос Андертон вызвал у него воспоминание об одном из светлых дней их жизни – еще до того, как она раскололась вдребезги. Уинтер сидел за пианино в музыкальной комнате, мама рядом с ним на одной табуретке. Места было мало, и они сидели прижавшись друг к другу. Мама играла мелодию, а он должен был сыграть ее на октаву выше. Сложность состояла в том, что сделать это он должен был с закрытыми глазами. Мама следила за тем, чтобы он не подсматривал. «Тебе не нужны глаза, Джефферсон. Учись слушать, чувствовать ноты», – говорила она с улыбкой. Во время уроков они всегда много смеялись, чего не случалось больше никогда в последние годы ее жизни. Альберт Уинтер совершил множество ужасных поступков, но то, что он лишил жену способности смеяться, было очень трудно простить. В такие моменты, как сейчас, Моцарт напоминал Уинтеру о матери. Отчаяние, надежда – и весь спектр между ними.

– Да, она научила меня, – ответил он.

– Вы хорошо играете?

– Неплохо.

– Значит, играете чертовски хорошо. Вы перфекционист, Уинтер. Вы просто обязаны быть лучшим во всем, что делаете.

Теперь уже Уинтер, в свою очередь, молча смотрел на Андертон, потягивая виски. Начинаясь третья часть симфонии. Вторая была мрачной, а эта – игривой. На мгновение он почти забыл, что он делает в Ванкувере.

– Давайте сыграем в игру. Покажем друг другу, на что мы способны.

– Лестное предложение, конечно, но не забывайте – я почти на двадцать лет старше вас.

– Такие ходы не засчитываются.

– Рада слышать, – улыбнулась Андертон и взяла свой стакан. – Каковы правила игры?

– Вы расследуете это дело три года. За это время обязательно должно было всплыть что-то, что вызывает чувство противоречия. Что-то, что не укладывается в общую картину.

Она кивнула.

– Меньше всего я понимаю систему выбора жертв. У них нет ничего общего: разный цвет волос, разный цвет глаз. Изабелла и Алисия – белые, Лиана – азиатка. Возрастной диапазон – от двадцати восьми до тридцати двух, но это почти ни о чем не говорит. В этом районе живет огромное количество людей в этой возрастной группе.

– Но должно быть что-то, что их объединяет. Убийца очень хорошо продумывает свои действия. Что-то заставило его выбрать именно этих жертв.

– Но что?

– Возможно, они каким-то боком присутствовали в его жизни. Возможно, он работал в магазине, куда они часто ходили, или что-то им доставлял. Да хоть зубы им лечил.

– Зубы точно не лечил, – не удержалась от улыбки Андертон. – Я не новичок, Уинтер. Поверьте, мы разузнали об их жизни все, что только было можно, и точек пересечения нет.

– Даже у двух из трех жертв?

– Даже у двух.

– Мне трудно в это поверить. Каждый день происходят десятки мелких взаимодействий. Многие из них настолько незначительны, что мы их не замечаем. Автоматически говорим спасибо тому, кто упаковывает наши покупки за кассой, обмениваемся мимолетным взглядом с человеком, сидящим напротив в автобусе, спрашиваем человека, с которым зашли в лифт, на какой этаж ему ехать. Но если один из этих людей – серийный убийца, и вдруг ваш типаж ему подходит, то он вас точно запомнит.

– Я согласна со всем, что вы говорите, но это не отменяет того, что я сказала. На данный момент мы не обнаружили точек пересечения. Теперь ваша очередь. Что привлекает ваше внимание?

– То, что этот человек не соответствует типичному взрывателю. Он уделяет много внимания процессу собирания бомбы. Я бы даже сказал, он делает их с любовью. Но это как раз ожидаемо. А вот все остальное – довольно необычно. Для взрывателя весь смысл его деятельности – в самом взрыве. Но для нашего человека это словно не так. Можно провести параллель с сексом без оргазма. Он совершает все ритуальные танцы – ведет девушку в ресторан, кормит и поит, затем следует прелюдия к сексу, он раздевается, испытывает возбуждение, его дыхание учащается, и вдруг, не дожидаясь кульминации, он уходит. Это совершенно непонятно.

– Да, об этом я тоже думала. Зачем столько мороки с изготовлением бомбы, если даже не увидишь, как она взрывается? Словно ему все равно, что будет дальше. Он делает бомбу, и в этом для него и заключается вся соль.

– Да, это бессмысленно.

– Согласна.

– Хорошо, ваш ход.

– От убийства к убийству нет никакой динамики. Было бы понятно, если бы каждое следующее убийство в чем-то превосходило предыдущее. Но этого не наблюдается. Как раз наоборот – все движется по нисходящей к убийству номер четыре, эффект от которого по своей интенсивности даже рядом не встанет с убийством Изабеллы Собек. По мере практики он набирается опыта и уверенности, но и начинает скучать. Почему же этот опыт не проявляется в каждом последующем взрыве?

– Словно он нашел для себя колею, в которой ему и так хорошо.

– Но серийным убийцам это не свойственно, – возразила Андертон.

– Не свойственно.

– Тогда что же это такое?

– Хороший вопрос, – покачал головой Уинтер.

– Когда найдете хороший ответ, обязательно расскажите. Ваша очередь.

– Кот – это очевидная упущенная возможность.

– Кот Кирчнеров? Как же его звали... Мышь.

– Да, он. Его заперли в кухне, потому что его часто рвало шерстью. Значит, убийца видел кота. Но мы знаем, что он – садист. Его задача – мучить жертв. А жертвы, как и все люди, любят своих животных.

– Тогда почему бы не оставить Мышь в кухне с жертвой? Зачем выпускать его?

– Вот именно. Представьте, что вас привязали к стулу, а рядом ходит кот в блаженном неведении насчет происходящего. Трется о ноги, просит еды. Может, даже прыгает на колени, чтобы вы его погладили. В любом случае, вы его видите.

– И понимаете, что бессильны его спасти, – встала Андертон. – На это убийца и давит. Он лишает жертв возможности что-либо предпринять. И если бы он оставил кота в кухне, это лишь подчеркивало бы его власть. И потом – он мог бы просто убить этого кота. Еще и на глазах Алисии.

– Вот я и говорю, налицо упущенная возможность.

Они снова погрузились в молчание на фоне тихих звуков Моцарта. Наступила полная темнота, и в небе повисла огромная луна. С пятнадцатого этажа им были видны далекие огни Западного Ванкувера, за которыми чернел залив.

Андертон допила коктейль и встала.

– Я поеду.

– Предлагаю повторить, – сказал Уинтер, указывая на пустой стакан. – Собек угощает.

– Не искушайте меня, все равно откажусь. Завтра большой день. Мне нужно выспаться. Да и вам тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.